

Николай Силис

Десять бесед с Платоном

Заметки
о религии, этике,
нравственности
и об искусстве

Москва 2017

Н. А. Силис.

Десять бесед с Платоном. Заметки о религии, этике, нравственности и об искусстве. – М; НАС, 2017 – 208 с.; илл.

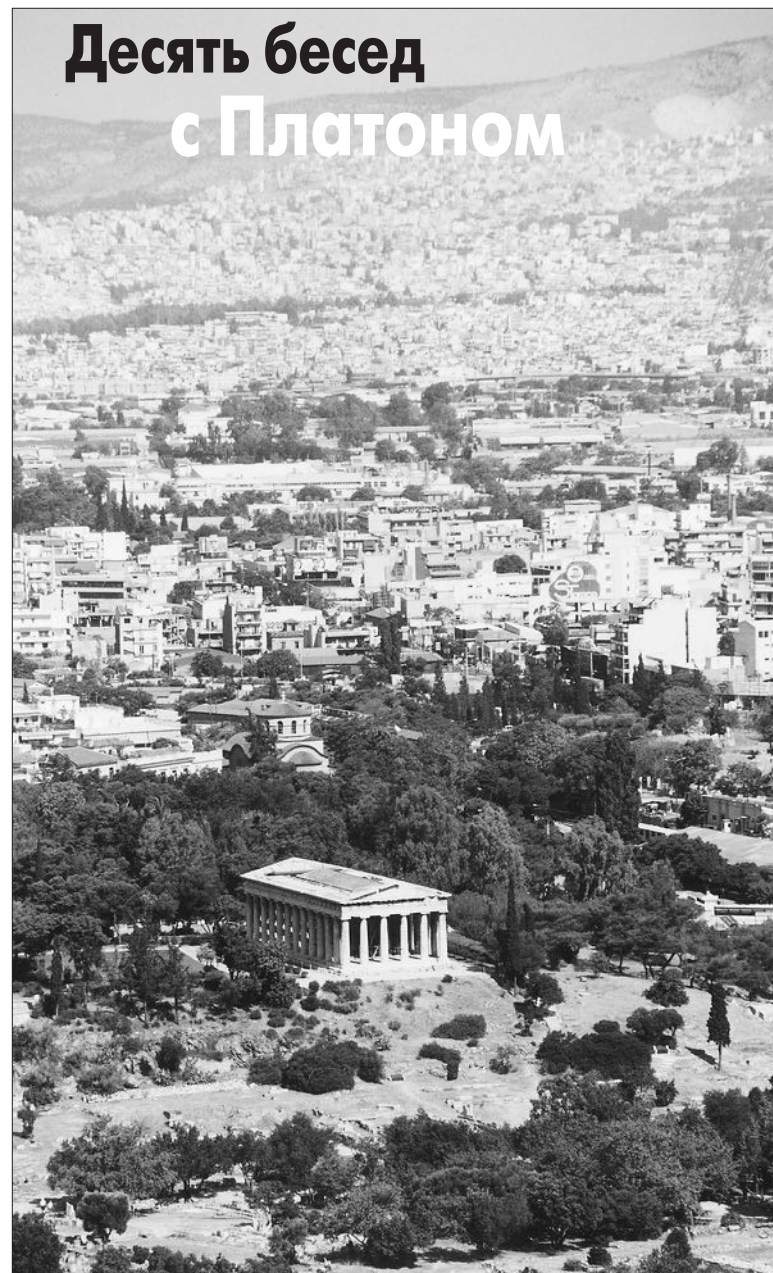
ББК
УДК

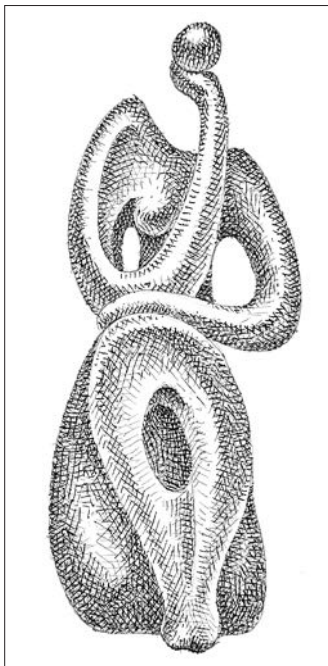
Вниманию читателей предлагается шестая книга талантливого писателя, скульптора-монументалиста, художника Николая Силиса, которая состоит из двух частей. Первая часть называется «Десять бесед с Платоном». Труд древнегреческого философа Платона «Государство», написанный в 360 г. до н. э. – это диалог, посвящённый проблеме идеального государства. С точки зрения Платона, государство является выражением идеи справедливости. Н. Силис вступает в виртуальную полемику с философом, предлагая ответить на вопросы, касающиеся истории становления и развития современных государств. Во второй части, названной «Заметки о религии, этике, нравственности и об искусстве», автор делится своими впечатлениями о том, как воспринимают эти категории нынешние поколения людей.

Книга иллюстрирована в основном художественными работами автора.

ISBN

© Н. Силис, 2017
© Н. Силис, рисунки 2017
© В. Усков, фото 2017

Удивление всегда предшествует рассудку. Оно очень ограничено во времени и не может длиться бесконечно долго. Затем наступает равнодушие или длительный период усвоения полученной информации. В последнем случае в работу включается разум с

его аналитическими возможностями.

Глупо противопоставлять разум эмоции в расчёте на выявление более правильного метода в деле достижения истины. Только в тесном взаимодействии чувства и разума возможно добыть крупицу правды или хотя бы сделать попытку вырваться из темноты абсолютного незнания.

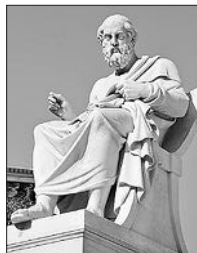
Два человека из России неожиданно попали в Афины. Первые дни – самые яркие. Мозаика из тысячи разрозненных и необъяснимых фактов. Но вот закончился период удивлений, восхищений и восторженных оценок увиденного. Наступили будни. Такие же, как у себя на Родине. Не

следует этому огорчаться. Подобное состояние означает, что настало время подумать, порассуждать по поводу увиденного и привести свои впечатления в какой-то, хотя бы временный, порядок.

Нас двое. Поэтому всегда есть возможность соотносить впечатления, полученные от одного и того же объекта, с двух разных позиций. Это соотношение происходит в форме диалога. У нас он длится непрерывно. Даже в том случае, если оба молчим. Диалог продолжается в голове, а при удобном случае возникает в своей обычной полемической словесной форме. Но бывает, что диалог с партнером не клеится. Тогда на смену ему возникает образ идеального собеседника, с которым вести беседу гораздо удобнее.

Этот твой идеальный собеседник всегда корректен, внимателен к тому, что ты говоришь, и настроен так, чтобы всеми силами поддерживать беседу в нужном русле и не отвлекаться по пустяковым житейским делам.

Акрополь – это, наверное, единственное место на земле, где можно без всяких усилий мгновенно перенестись из одной эпохи в другую. Достаточно преодолеть пешком подъём в полсотни метров. В одну из таких прогулок на Парфенон мне почему-то представился сидящий на камне Платон, и я не смог отказать себе в удовольствии затеять с ним беседы, до которых он был так педок в своё время.

Беседа первая

Я первым обратился к нему с вопросом:

– Скажи, Платон, глядя на этот город, раскинувшийся перед тобою, думал ли ты в своё время, что твои Афины, хотя бы отдалённо будут напоминать это грандиозное зрелище?

– Видишь, ли, друг мой, ты тоже ведь не сможешь представить, каким будет твой родной город через две тысячи лет. Да и не советую тратить усилия на это, ибо считаю, что есть проблемы поважнее, над которыми людям стоит глубоко задуматься.

– Какие же это проблемы?

– Ты действительно хочешь знать мой ответ или это просто праздное любопытство?

– Я впервые вижу тебя, Платон, хотя знаю давно. Хотелось бы, чтобы наша беседа была содержательной и вышла за пределы простого любопытства.

– Тогда слушай! Ты знаешь, наверное, что человек, живя на этой земле, проходит три стадии возраста: юность, зрелость и старость. Не то же ли самое происходит и с человечеством?

– Ну предположим. Что из этого?

– А как ты думаешь? Не пора ли человечеству задать себе такой вопрос: в какой из этих трёх стадий он в данное время находится?

– Но для чего это нужно? Ведь жило же человечество много тысячелетий, не зная этого, и ещё может прожить столько же.

– Вот тут ты и попался! Что значит «столько же»? От чего считать «столько же»? Полнейшая неопределённость. Давай порассуждаем. Согласен ли ты предположить, что юность человечества уже прошла? Ведь разница только между моим и твоим возрастом исчисляется более чем в две тысячи лет. А до этого сколько человечество существовало? Я думаю, что время вплоть до сегодняшнего дня, отпущенное богами на юншество, безвозвратно прошло.

– Могу с тобою согласиться. А дальше?

– А дальше альтернатива: или-или. Или мы уже дряхлые старики, доживающие последние столетия, или же находимся в самом расцвете сил, когда от нашей воли зависит решение вопроса: приобретём мы бессмертие или же каким-нибудь неосторожным поступком прервём своё удивительное существование на земле.

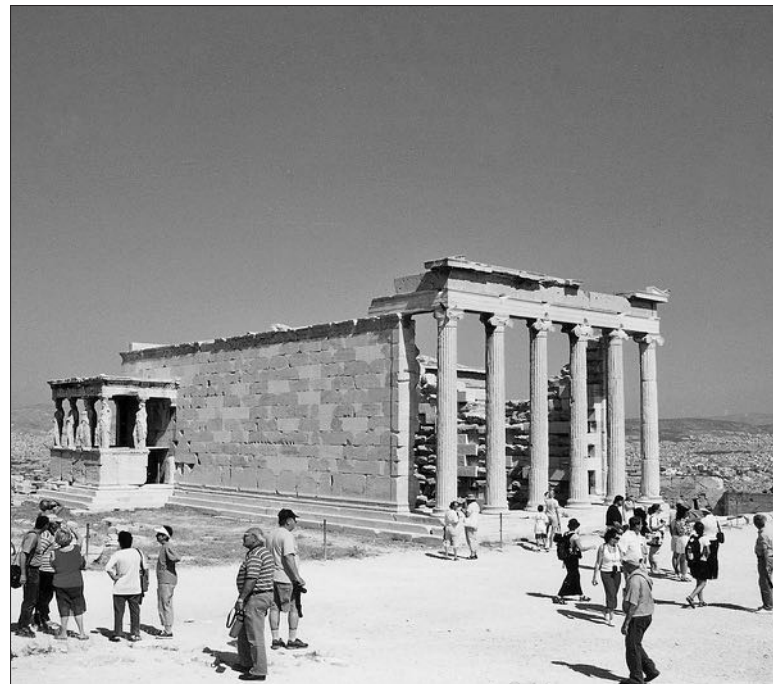
Чтобы нам легче было рассуждать, давай сначала исследуем старость. Она более очевидна в наших трёх ипостасях, и если мы усмотрим в ней аналогию с современным обществом, то нам нужно будет заниматься «зрелостью». Если же

Человек, живущий на этой земле, проходит три стадии возраста: юность, зрелость и старость.

не найдём аналогий, отбросим как ненужное, искомое тогда само собой определится.

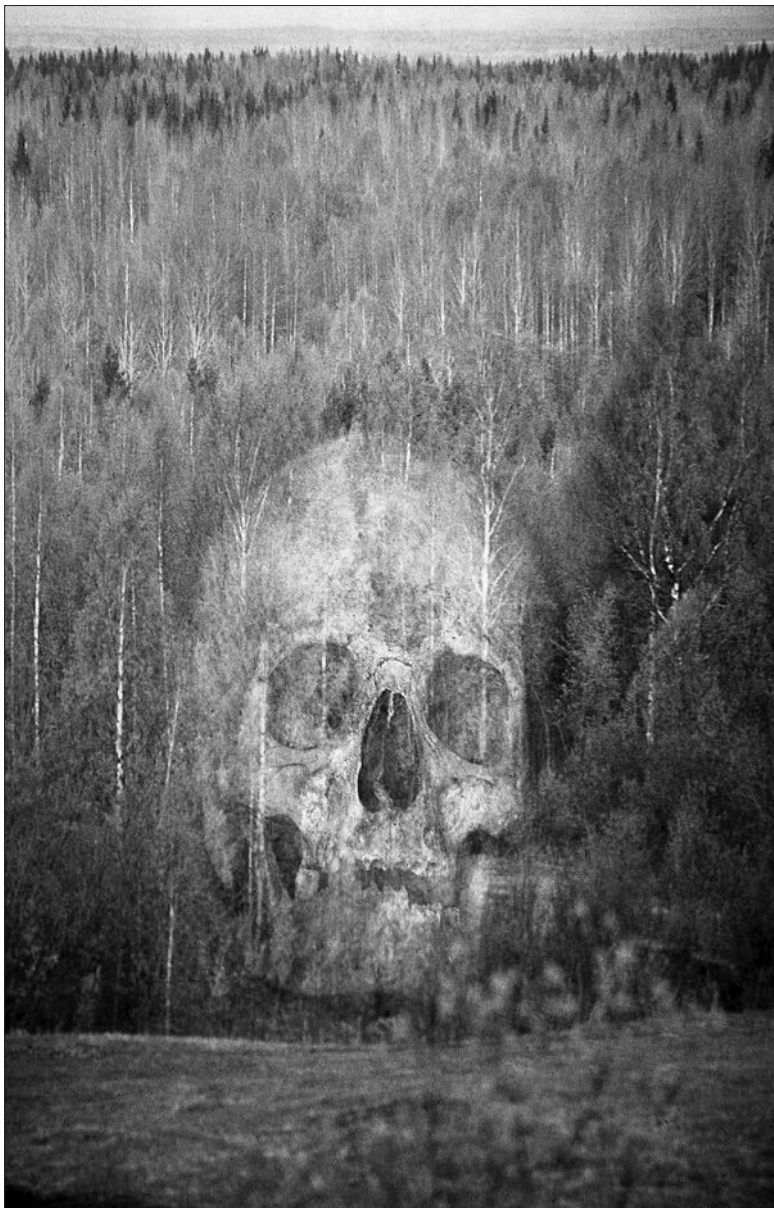
– Согласен, Платон, но вот у меня какие сомнения. Во времена твоей жизни мир для эллинов был очень ограничен. Вспомни, как ты сам в одном из сочинений весь мир делил на эллинов и варваров. Причём и те и другие умещались в основном в европейской части земли и только частично в Азии. По нынешним представлениям Земля – это шар. Ты уж поверь в это на

Афины. Эрехтейон.

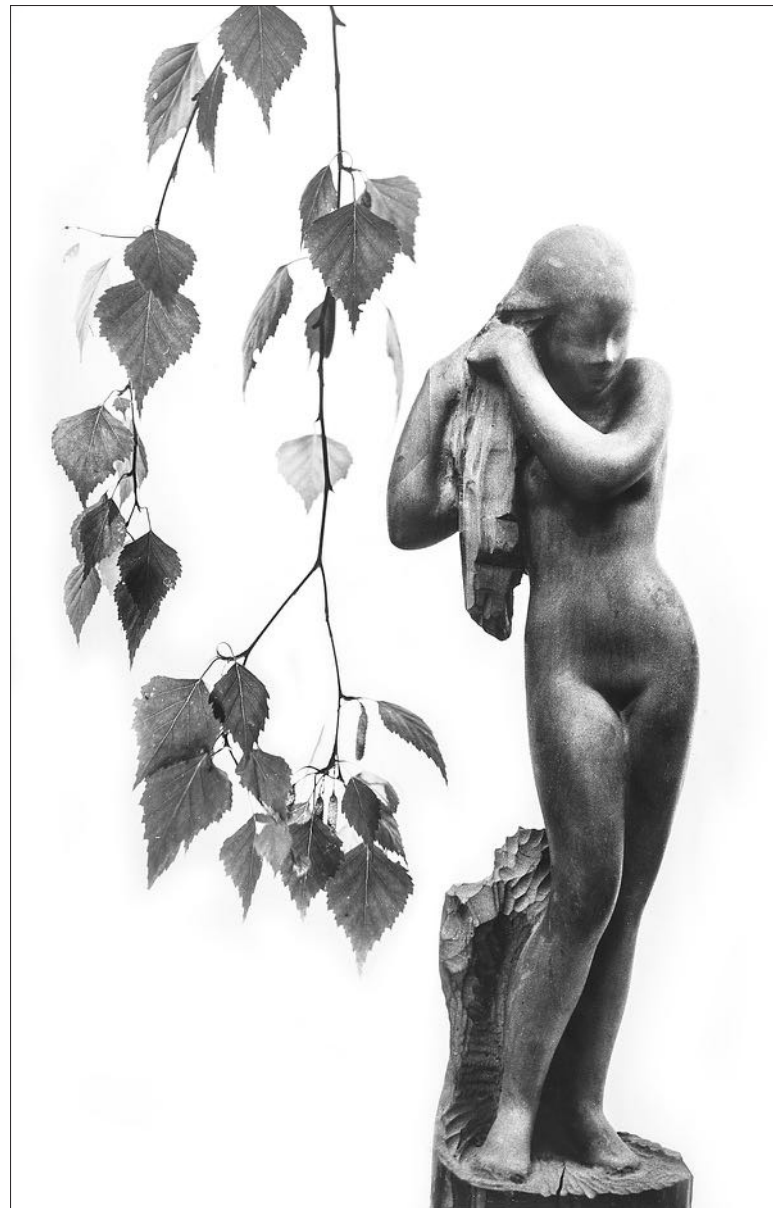
слово. И весь он заселён пятью миллиардами людей. Мало того, всё это многообразие общностей находится на разных стадиях экономического развития, культуры и политического устройства.

– Охотно верю тебе. Но к нашему рассуждению это ничего не прибавляет. Ведь старость человека, а в равной степени и юность, и зрелость, протекают у эллина и у варвара, у раба и у гражданина, у тёмного дурака и у мудрейшего философа по одним и тем же законам.

Старость.

12

Юность. Композиция со скульптурой.

13

Итак, чем, по-твоему, характерна старость сама по себе?

– Мне трудно, Платон, дать исчерпывающий ответ на этот вопрос, но кое-что постараюсь сказать по этому поводу. Во-первых, по-моему, старость всегда сопровождается болезнями. Во-вторых, ей свойственен упадок сил и притупление восприятий всеми органами чувств. Да и наконец, старость – это приближение смерти, а осознание её неизбежности неминуемо приводит к старческой депрессии, к маразму, к атрофии восприятия реальной действительности.

– Ну что ж? Ты в общем довольно правильно охарактеризовал этот период человека. Теперь настало время соотнести всё, что ты сказал о старости, с обществом, живущим в данное время. Видишь ли ты аналогию? Или, напротив, не находишь ничего общего с картиной старости, тобою же нарисованной?

– Боюсь, что я недостаточно силён в этом деле. Попробуй сам провести эту экстраполяцию. У тебя это лучше получится.

– Давай последуем за твоими рассуждениями. Ты сказал, что старость – это болезни. Сможешь ли ты признать современное тебе общество больным? Я имею в виду не конкретное государство, а всё человечество, живущее на Земле.

– Пожалуй!

– Далее. Известно ли тебе общество в пределах исторически обозримого времени, которое бы

В. Лемпорт, Н. Силис. Фрагмент рельефа для посольства СССР в Греции, Афины.

вдруг пошло вспять и вернулось, скажем, от эпохи развитого рабовладения к каменному топору? Не потому только, что каменным рубилом проще орудовать, а из-за того, что у общества не хватило сил справиться с современной ему техникой и системой управления государством.

– Нет, неизвестно.

– Может быть, ты приведёшь пример, когда общество, вопреки здравому смыслу, отказывается от новейших достижений разума как в сфере производства, так и в сфере государственного устройства. Формулируя эту проблему в виде вопроса, я хочу тебя спросить: притупилось ли у общества чувство реального настолько, что оно

идёт на явно абсурдные действия в ущерб своей экономике, в ущерб благосостоянию, в ущерб хотя бы ближайшему будущему?

– Думаю, что нет.

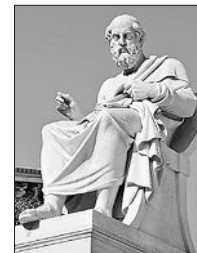
– И ответ ещё на один вопрос: Можешь ли ты представить себе глубокого старца, одной ногой стоящего в могиле и вместе с тем неистово размахивающего тяжёлым мечом?

– Вряд ли это сопоставимо, Платон.

– Таким образом, получается, что общество, в котором ты живёшь, и время, которое сейчас переживаешь, к старости отнести нельзя. Иначе выглядело бы всё по-другому, а значит... впрочем, пора идти.

На этом моя первая беседа с Платоном закончилась.

Усатый служитель грек попросил нас покинуть Акрополь. Платон исчез неизвестно куда, а я пошёл по узеньким, уже опустевшим улицам, обдумывая то, о чём мне сказал великий философ. И вдруг меня осенило: ведь всё наоборот! Всё совсем наоборот, чёрт подери!

Беседа вторая

– Я сегодня специально пришёл пораньше. Только что последнюю группу туристов выпроводили, и я сразу сюда спустился.

– Платон! По-моему, ты вчера что-то напутал в своих рассуждениях. Ты заставил меня согласиться с тем, чего я не думаю.

– Друг мой! Мы сегодня всегда умнее, чем вчера. Если следовать этой логике достойно, то мы никогда не сможем сделать ни одного заключения. У тебя рано или поздно обязательно появится желание пересмотреть свои утверждения. Хорошо, если это произойдёт поздно. События, свершившиеся за это время, смогут уже приобрести ту определённую, которую может зафиксировать наш рассудок. А если рано? Возьмём крайность: тут же после утверждения ты от него отказываешься и выдвигаешь противоположное, а затем третье и так далее. Можно ли будет рассуждать о чём-либо в таком случае?

– Согласен с тобою. Но как всё-таки быть с нашими тремя ипостасями? Что ты сам-то об этом

думаешь? Ведь знать о том, в каком возрасте мы сейчас находимся, не так уж безразлично для человечества. В прошлой беседе я как-то опрометчиво и быстро согласился с тобою, но, подумав, увидел вдруг, что всё может быть и наоборот. Помоги мне, Платон, разобраться в этом. Мне кажется, это очень важно.

– Видишь ли, слабость и несовершенство нашего рассудка и заключаются в его амбивалентности. Если наше суждение категорично и определённо, оно имеет очень узкий аспект применения, если же, наоборот, суждение расплывчато, неопределённо, оно не обладает той глубиной в познании сущностей, которая необходима хотя бы для приближённого обозначения.

То есть ни тот ни другой метод не может претендовать на право считаться более истинным. Рассудок наш ограничен, его едва хватает на то, чтобы понять эту, казалось бы, простую истину. Живя в обществе, нельзя до конца осознать это общество, так же как, будучи частью целого, невозможно представить это целое во всем его истинном объёме.

Если бы человечество, хотя бы в лице правителей, понимало это, жизнь на Земле сложилась бы для большинства людей гораздо благоприятнее. Впрочем, что об этом говорить, если этого не случилось, да и вряд ли случится.

– Так как же быть с нашими тремя ипостасями? Тебе, Платон, две с лишним тысячи лет, а мне

всего лишь полсотни. Имеет это какое-нибудь отношение к нашей попытке определить возраст человечества в целом, или же ты считаешь эту разницу пустяковой?

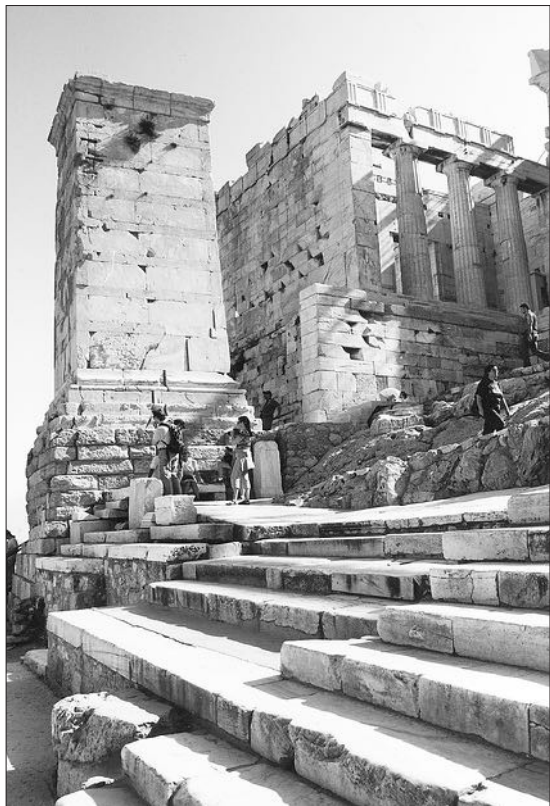
– Мне казалось, что я уже ответил тебе на этот вопрос.

Но раз ты задаёшь его, значит, я недостаточно ясно высказал свою мысль. Бессмысленно задавать вопрос: «Космос большой или маленький, конечный или бесконечный, чёрный или белый, горячий или холодный?» Чтобы ответить на любой из них, нужна такая маленькая деталь, как точка отсчёта. Но её-то и нет! Её никогда не будет, да и не может быть!

То же самое происходит и с твоими попытками определить возраст, вернее, стадию возраста человечества. Я сам спровоцировал тебя на этот разговор, заведомо неправильно поставив вопрос. Жизнь на земле я ограничил двумя точками отсчёта: рождением и смертью. А ты, живя в двадцатом веке, сможешь с достоверностью определить эти точки? Думаю, что не сможешь. Значит, достоверной остаётся зрелость. Вот и живи в ней! Я и мои мудрые предшественники тоже жили в эту эпоху. И запомни, друг мой, никаких других эпох у общества не существует.

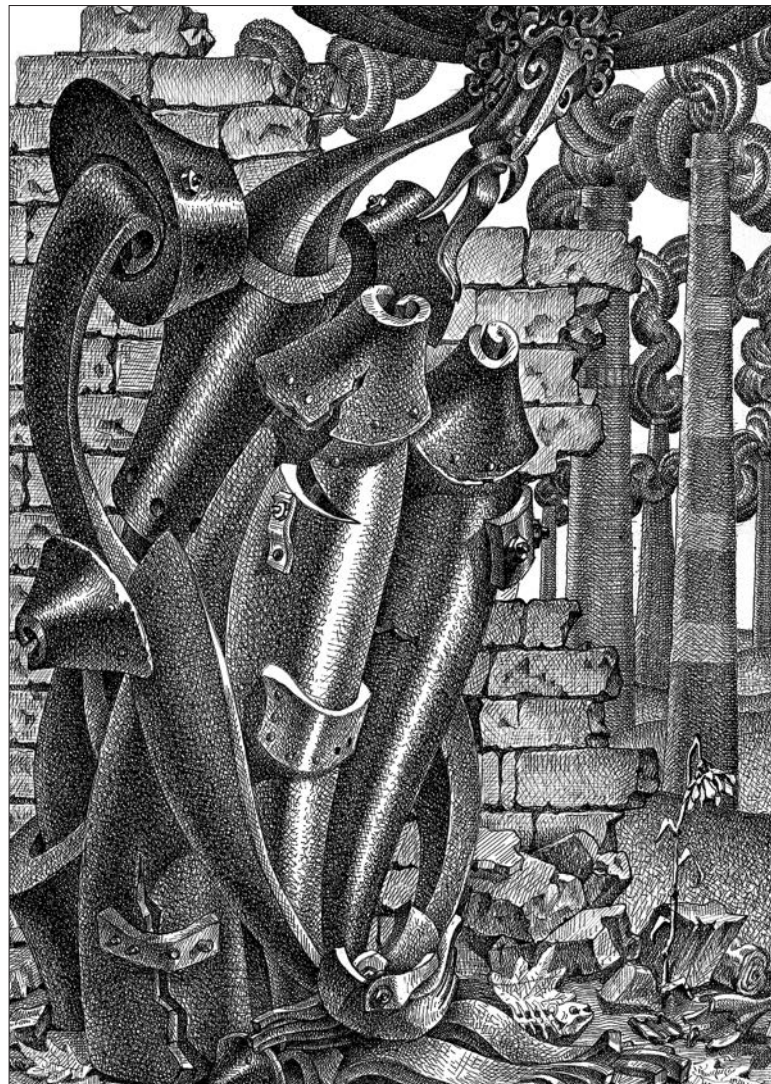
Во всяком случае, они неопределимы.

А теперь давай спустимся немного пониже и порассуждаем о вещах, которые доступны нашему наблюдению и осмыслению.

Путь на Парфенон.

- О чём же, Платон?
- Ну хотя бы о государстве.
- Ты меня опять убедил, Платон, но я, собственно, и не хотел возвращаться ко вчерашнему. Ночью я полистал собрание твоих сочинений и наткнулся на курьёзные, на мой взгляд, размышления об идеальном государстве. Это в какой-то степени имеет отношение к прошлому разговору

Дон Кихот. У обочины.

и может послужить продолжением затронутой нами темы.

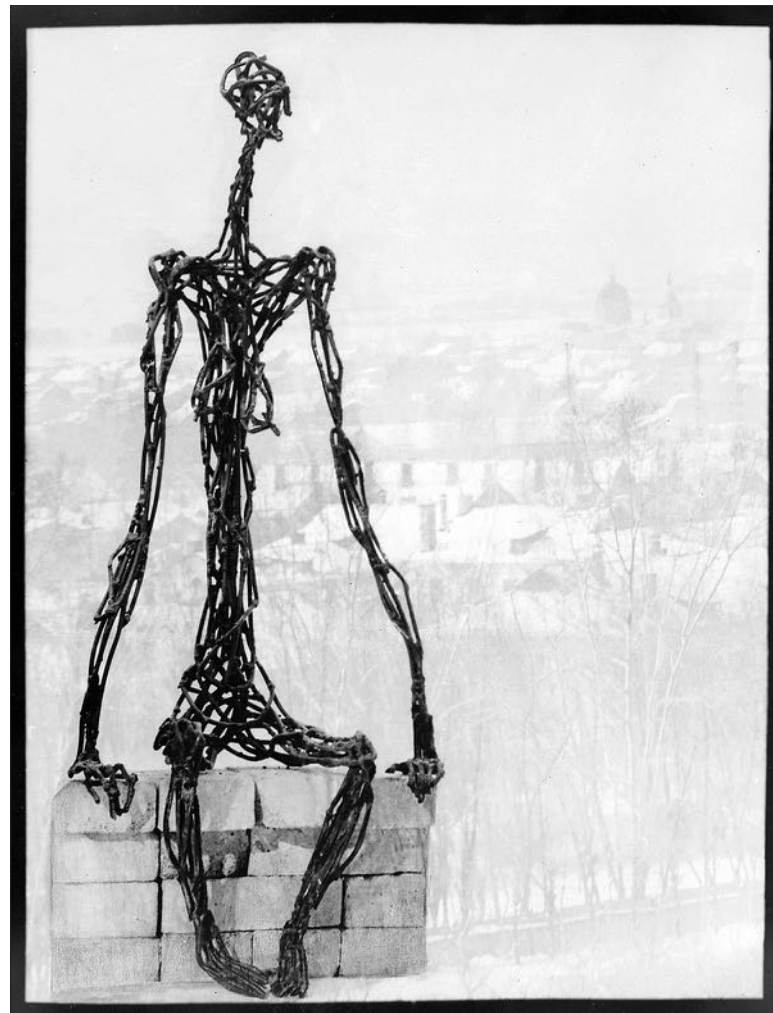
– Что ты имеешь в виду?

– Помнишь, рассуждая о стражах, которым ты придаёшь такое большое значение в своём идеальном государстве, ты высказал мысль, что порядок и справедливость в стране станут зависеть в основном от того, как воспитаны эти стражи и насколько правильно они будут нести службу. Ты даже их поставил в ряд привилегированного сословия, придумав особую форму поощрения, и, выражаясь современным языком, предложил некую контролируруемую систему искусственного отбора и выращивания целых сословий общества. Пользуясь устами Сократа в этой части, ты даже провёл аналогию с животными. Правильно ли я изложил твои рассуждения по этому поводу?

– В общем, да, но что ты хочешь этим сказать?

– Ты знаешь, Платон, такие государства уже были.

Тебе посчастливилось жить в другое время и не лицезреть их воочию, и тем более не испытывать на себе все последствия этого ужасного мироустройства. Но мир до сих пор не может без содрогания вспоминать об этом. В результате порочности такой идеи совсем недавно за каких-нибудь пять-десять лет погибло несколько десятков миллионов людей. ‘Ты слышишь меня, Платон? Несколько десятков миллионов! Это во

Старость. 1970-е.

много раз больше всего количества эллинов и варваров вместе взятых, живших в твоё время. Стоило ли гордиться государством, которое прине-

сло такую уйму смертей в короткое время и на относительно малом участке земли?

– Друг мой! Во-первых, я тебе уже говорил, что быть мудрым сегодня гораздо легче, чем вчера. А во-вторых, если ты внимательно прочёл диалог моего Сократа с его оппонентами, то, наверное, обратил внимание на то, какими, по его мнению, должны быть правители и какие средства он предлагает для этого.

– Да, я обратил внимание. Мне даже так понравилось одно место из высказывания Сократа, что я его выписал и могу прочесть вслух тебе. Вот оно:

«Пока в государствах не будут царствовать философы либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и не сольются воедино государственная власть и философия; пока не будут в обязательном порядке отстранены те люди (а их много), которые ныне стремятся порознь либо к власти, либо к философии, до тех пор, дорогой Главкон, государствам не избавиться от зол, да и не станет возможным для рода человеческого и не увидит солнечного света то государственное устройство, которое мы только что описали словесно...»

– Вот видишь, дорогой, в твоём ужасном примере правитель наверняка не был философом и уж определённо не обладал теми исключительными качествами, которыми обязан обладать, по-мое-

му, всякий правитель: как врождёнными, так и специально воспитанными.

– Платон! Если бы ты был свидетелем того, до чего может дойти проявление неограниченной власти, если бы смог представить себе правителей типа Гитлера или Сталина, многое, может быть, изменилось бы в твоих взглядах на власть и на государство вообще. Далее ты утверждал в одном из высказываний, что тирания – это крайнее заболевание государства. Но вот прошло две с лишним тысячи лет, а заболевание продолжается, а в некоторых государствах даже процветает.

И ещё. Уже много лет спустя после тебя появился так называемый капитализм, и многие неглупые люди обещали очень быструю смерть этой системе государственного устройства.

А она не только не умерла, но во многом опережает по своей устойчивости другие формы.

– Дорогой мой! Ты меня обижаешь. Хотя со мною это очень трудно сделать. Ты забыл, наверное, кто я и что я. Ведь идея вездесуща, и для меня нет преград в виде времени и пространства. Поэтому я знаю всё, что знаешь ты, и ещё чуть-чуть больше. Это, во-первых. Во-вторых, прошу тебя, не приземляй наш уровень рассуждений. Иначе мы ни до чего не сможем договориться. И уж во всяком случае не удастся удержать наш диалог в том хорошем ключе, в котором мы начали беседу.

Пойми, друг мой, что эмоция, вызванная физической болью, причинённой ближним твоим, всегда будет острее, чем историческое сведение о гибели целого народа в Пелопонесской войне. Давай строго следовать правилу: обсуждать проблему только как крупную категорию, больше заботясь о чистоте логического приёма, чем о необходимости примеров из своей практики. Интроспективность таких аргументов давно доказана и для чистой философии признана непригодной.

— Извини, Платон, я тебя перебью. Ты произвольно затронул очень важный вопрос, который во многом сможет разрешить предмет нашего спора по поводу государства и возраста нашего общества. Мы сейчас незаметно для себя подошли к проблеме власти. Мне кажется, что это коренной вопрос государственного устройства. Несмотря на разделяющий нас огромный возраст, эта проблема в одинаковой мере актуальна как для тебя и твоего времени, так и для меня с моими современниками. Что же это за феномен, который так привлекает людей, и почему он обладает способностью толкать их на преступления и превращать добродетель в откровенное зло? Возьмёмся исследовать это явление?

— Попробую, хотя мне и трудно будет это сделать. Трудно потому, что наши с тобой представления о мире сложились, можно сказать, в

Дон Кихот. Невесомость.

абсолютно разные социально-временные эпохи. Даже вопрос терминологии может вызвать существенное затруднение для выяснения истины. Вот, к примеру, то, что я вкладываю в понятие «страж», совершенно не соответствует понятию «страж», принятому в вашем веке и в вашем обществе. Но делать нечего: давай попробуем проанализировать этот феномен, пользуясь по воз-

возможности обоюдно близкой терминологией или уточняя её по ходу рассуждения.

– Я слушаю.

– Ну, во-первых, что такое власть? Очевидно, что это понятие сложное и неоднозначное. Власть появилась не сразу и, по-видимому, как всё на свете, имеет свои исторические корни. Поэтому, прежде чем вынести категорическое суждение о власти, это явление следует расчленить на несколько более простых частей. Согласен со мною?

– Да, конечно. На какие же части ты будешь расчленять? При первом рассмотрении я вижу, по крайней мере, три главные составляющие этого феномена. Первая – та, на кого она распространяется; вторая – те, кто ею обладают, и третья – то, посредством чего она проявляется. У тебя не будет возражений против такой классификации? Или, может быть, ты что-нибудь добавишь?

– Нет, пожалуй. Анализируй дальше.

– Мне кажется, что удобнее было бы начать с первой части. В иерархическом отношении она самая низшая, и её легче будет препарировать. А потом, если боги позволят, доберёмся и до следующих двух. Итак, можно сказать: «Нет, да и не будет, наверное, человека, который бы не испытал на себе проявления власти». Даже самые строптивые, свободолюбивые и непреклонные обязательно так или иначе подчинялись власти, вопреки своим желаниям и намерениям.

– Как это?

– А вот так. Сидишь ты, например, со мною на ступеньке Парфенона и ни на секунду не забываешь при этом, что тебя в любую минуту может выгнать отсюда служитель.

А кто такой служитель? Ведь он не может соревноваться с тобою ни по роду профессии, ни быть равным по образованию, ни противостоять интеллекту. А ты его боишься. Почему?

Потому что он представитель власти. А ещё точнее: он её носитель. У вас есть такое хотя и тяжёлое слово, но точно выражающее суть дела: «уполномочен». С одной стороны, ты проникнут возмущением к проявлению власти, ищешь способ обойти её и безнаказанно нарушить тот или иной закон, утверждённый властью, вступив в открытую борьбу с ней.

С другой же стороны, ты не можешь не согласиться с необходимостью проявления насилия над тобою, ибо, будь по-другому, на месте, где мы сейчас сидим, была бы тысяча таких же, и мы с тобою не смогли бы вести эту беседу. Да и от Парфенона в таком случае вряд ли бы что осталось. Таким образом, власть всегда права и неправа одновременно. Права для себя и неправа для тех, кто на себе испытывает её проявление. Заметь, что это единство противоположностей, которые не взаимоисключают друг друга. Далее, на мой взгляд, следует любопытнейший вывод: чем сильнее ты будешь противостоять

власти, тем больше будешь приближаться к категории людей, претендующих на власть, и чем больше ты будешь её ненавидеть, тем больше будет соблазн получить её в свои руки. В конце концов может наступить момент, когда ты станешь властью имущим, а бывший обладатель её превратится в того, на кого она распространяется. Да, да! Я вижу, ты мне хочешь возразить и указать на середину между двумя этими противоположностями. По молодости я тоже так думал, но опыт веков убедил меня в нереальности этой идеи. Середина нестационарна. Малейшее воздействие со стороны, и всё скатится в ту или иную крайность. В моём идеальном государстве всё и построено на соблюдении этой середины, но, как ты сам заметил, это оказалось не под силу людям.

В экстремальных условиях устойчивость более вероятна. Но мы несколько отвлеклись. Давай-ка займёмся теперь теми, кто власть эту имеет, и посмотрим, почему людей так привлекает обладание беспредельной властью. Может быть, ты что-нибудь скажешь по этому поводу? Я бы с удовольствием тебя послушал.

– Да нет, Платон, я уверен, что у тебя это получится лучше, но есть одно обстоятельство, которое мне не позволяет сейчас тебя выслушать.

– Говори!

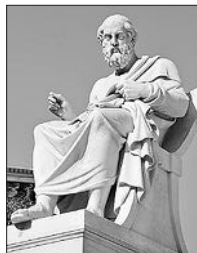
– Дело в том, что сегодня я со своим приятелем приглашён на венчание в церкви. Наша перевод-

чица выходит замуж. Мне и остаться хочется, и вместе с тем надо идти. Мы обещали быть на венчании.

– Ага! Вот тебе и ещё один аспект власти! На этот раз безликой. Ты не свободен от того, что дал обещание, а по существующим этическим нормам не имеешь права его нарушить. Понял? Не имеешь права! Изъятие этого права и есть одна из форм проявления власти.

Впрочем, не бери в голову, друг мой! У нас с тобой впереди вечность. Успеем наговориться. Обязательно иди. Да и вечерний обход уже близок. Всё равно тебя попросят уйти. А о предмете нашего разговора подумай. Нам предстоит многое выяснить в следующий раз.

Беседа третья

– Ты заметил такую закономерность: власть имущий никогда сам не отказывается от власти? Нужны большие усилия другого властолюбца, чтобы отобрать её у первого. Какой самый главный вывод из этого следует, по-твоему?

– Думаю, что в этом феномене скрыто столько привлекательного, что обладание властью обязательно предполагает удовлетворение многих насущных желаний человека.

– Ты прав, друг мой, но только отчасти. Действительно, то, о чём ты говоришь, имеет место в обсуждаемом феномене. Но в нём есть и ещё очень важная характеристика.

– Какая же?

– Власть одна, а претендентов на неё очень много.

Это и определяет все коллизии, развёртывающиеся вокруг этого феномена. То, что власть имеет привлекательные стороны и сулит для её обладателя неисчислимые привилегии, в достаточной степени тривиально и не стоит того, чтобы

подробно останавливаться на этом. Попробуем рассмотреть проблему потруднее. Почему именно власть одна, а претендентов много? Есть ли это имманентное качество власти? Или, может быть, существует столько же властей, сколько и претендентов на неё? Вторая часть выдвинутой альтернативы мне кажется абсурдной, поэтому лишённой смысла для дальнейшего обсуждения поставленного вопроса. Если бы на каждую единицу власти приходился один претендент, то не было бы и проблемы, не было бы конфликта, не было бы предмета спора. Было бы обычное общежитие, не имеющее внутренней структуры. А такого быть не может. Уже в схеме «два» обязательно должны быть противоречия, а значит, и борьба, которая неминуемо приведёт к нарушению стационарного равновесия и сделает одного власть имущим, а другого первым (и единственным в таком случае) претендентом на власть. Таким образом, правильным остаётся утверждение: есть одна власть и много претендентов на неё.

– Выходит так. Но что это даёт нашим рассуждениям о власти?

– А вот что. Пока существует власть, будут существовать и претенденты на неё, а значит, неминуемо будет существовать повод для войн, конфликтов, междоусобиц, ссор и вообще всяких несправедливостей.

Как бы власть ни называлась, в какие бы демократические одежды ни рядилась, как бы ни

Современные греческие стражи порядка
в исторических костюмах.

притворялась справедливой, всё равно результат будет один: в силу её неустойчивости произойдёт неминуемая замена одной власти другой. И обязательно посредством конфликта.

Власть – это экстремальное состояние общества и общественных отношений. Чтобы удержаться на гребне власти сколько-нибудь длительное время, нужно очень многое. Необходимо иметь хорошо управляемый аппарат, обеспечивающий её безопасность. То есть армию подчинённых и хорошо оплачиваемых людей. Нужны средства для содержания этого аппарата, а значит, и насильственное отчуждение части дохода от рабо-

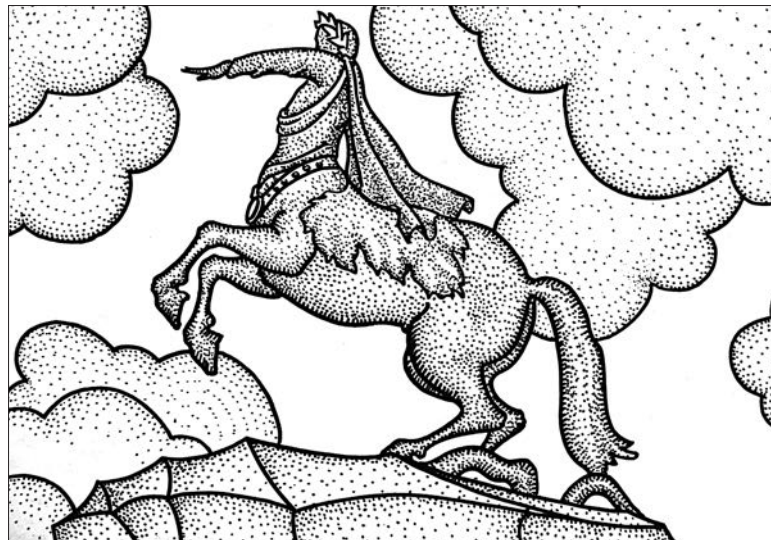

Рисунок из серии «Кентавры».

тающего населения. Это, в свою очередь, обязательно должно вызывать недовольство, представляющее для государства (а равно и для власти) потенциальную угрозу низвержения.

Круг замыкается. Чтобы удержать недовольных в повиновении и в подчинении, нужна армия растленных, отчуждённых от общества и хорошо оплачиваемых стражей. Удержание власти обходится довольно дорого, и не всякому властевладельцу это по карману. В качестве удешевляющего фактора властители придумали довольно оригинальную штуку. Пользуясь монополией на средства информации, с помощью воспитания и идеологического воздействия стражи, со-

ставляющие аппарат власти, стали выращивать категорию людей с определёнными качествами, направленными на бесплатное обеспечение собственной безопасности. Когда я в своём «Государстве» говорил о стражах, определённым образом воспитанных и предназначенных для охраны государственных интересов, то имел в виду этот контингент общества. Но я подразумевал тогда идеальное государство, основанное на всеобщей справедливости. То, что эту идею, как ты говоришь, последующие поколения использовали только для узких целей, то есть для удержания власти, поверь, дорогой мой, это уже не моя беда, а скорее ныне живущих.

— Да, Платон, я склонен с тобою согласиться в этом вопросе. Действительно, власть — явление сложное, и однозначно его не объяснишь. Мне с высоты своего времени многое кажется даже более очевидным. После тебя история накопила неисчислимое количество примеров, подтверждающих правоту твоих слов. Стало почти закономерностью положение, когда претендент на власть берёт на вооружение все представления о справедливости и, как знамя, несёт их перед собою в период борьбы с властью. Но стоит свергнуть старую власть и занять её место, как всё превращается в свою противоположность. Самое любопытное, что горький опыт предыдущих аналогичных ситуаций не является убедительным примером для последующих. По-видимому,

ты прав, говоря, что сущность власти со всеми её характеристиками и атрибутами имманентна в своей основе. Но вот что меня интересует в связи с этим. Раз мы всё это знаем и понимаем, неразумно было бы предполагать, что, кроме нас с тобою, никто так не мыслит. Даже претенденты на власть и сами власть имущие должны бы это тоже понимать. Ведь среди них часто попадаются далеко не глупые люди. Почему же всё повторяется с непоколебимой закономерностью? Что за механизм заложен в людях, который заставляет их с неумолимой жестокостью повторять одни и те же ошибки? Может быть, всё дело в самой власти? Подобно тому, как многие животные, движимые великим инстинктом размножения, идут иногда на заведомую гибель ради одного только акта размножения, так и люди, одержимые властью, бессознательно стремятся достигнуть её вершины и в погоне за ней не думают о последствиях. Возможно, это такой же врождённый биологический инстинкт, как, например, потребность есть, пить, как страх смерти и т.д.? Мне было бы очень интересно услышать твоё мнение по этому поводу. Что скажешь, Платон?

— Давай так. Сейчас уже поздно, да и тучи, видишь, с севера надвигаются. Наверняка дождь будет. Рановато, правда, для августа, но в ваш век всё сильно изменилось и трудно предугадать что-либо. Давай разойдёмся сейчас, а когда сможешь, придёшь, и мы вернемся к этому вопросу.

Только, я думаю, что на поставленный вопрос лучше ответить тебе самому. Подумай и подготовься. Я с удовольствием выслушаю твои соображения.

До свидания!

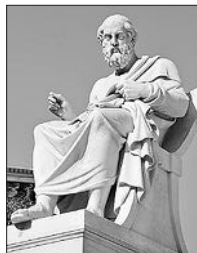
Товарищи! Разрешите перед просмотром фильма сделать небольшое сообщение. Международная обстановка на сегодняшний день так

обострилась, что я вынужден, как офицер безопасности, сказать несколько слов по этому поводу. Как вам известно, завтра в воскресенье предполагалась поездка на теплоходе по трём греческим островам. Она отменена, и среди сотрудников распространились ложные слухи относительно причин отмены. Должен вам заявить, что это не только наша инициатива, а решение «центра», которому мы должны подчиняться. Я, как офицер безопасности и временно выполняющий обязанности председателя месткома, должен также довести до сведения всех советских граждан, находящихся в Афинах, что на этот период запрещается индивидуальный выезд без служебной необходимости не только за пределы Афин, но и в самом городе. Можно

выезжать только в организованном порядке, с ведома коменданта посольства и с обязательной регистрацией времени выезда и времени возвращения. В воскресные дни выезд на пляж должен происходить также организованно и только в определённое место в районе Луцци. Все эти меры продиктованы необходимостью противостоять всё учащающимся актам захвата как отдельных советских граждан, так и целых групп враждебными элементами, агрессивно настроенными против нашей страны. Как только такая опасность исчезнет, я своевременно вам сообщу об этом.

(Из выступления в клубе посольства перед просмотром кинофильма «Горячие денёчки».)

Беседа четвёртая

– Тяжёлую работу предложил ты мне, Платон. И не очень справедливо поступил, попросив ответить на вопрос, который я тебе же и задал. Ведь я обратился к тебе потому, что сам не знаю, как на него ответить. Однако пришлось поработать мозгами. В итоге однозначного и исчерпывающего ответа у меня не получилось.

– Это неважно. Было бы с чего начать наши рассуждения, и главное – в процессе рассуждений всё время держать в голове идею исследования. Начинай! Я тебя слушаю!

– Я начну с самого простого, от чего я было отказался в начале нашего разговора на эту тему.

– От чего же?

– Если ты помнишь, я как-то намекнул о тривиальности постановки вопроса: почему, мол, человек так стремится к власти? Вроде и так ясно!

– Да, помню.

– Сейчас он мне не показался таким тривиальным, и, пожалуй, я начну именно с него. Дейст-

вительно, власть везде и во все времена привлекала внимание человека. Имея власть, человек приобретает безграничную возможность для реализации своих желаний. Он получает доступ ко всему самому лучшему и, главное, освобождается от необходимости самому подчиняться кому бы то ни было. Последнее весьма немало важно. Современная психология, Платон, пришла к почти неоспоримому заключению, что человечество, если не примет соответствующих мер, может погибнуть от стресса, вызванного постоянным и всё усиливающимся подавлением желаний человека. По-видимому, как только homo sapiens организовался в некое общество с примитивной структурой, сразу же начался процесс подавления. Единственный способ выйти из этого положения – это обладать неограниченной властью, что и породило вождей первобытных племён, фараонов, тиранов и монархов, здравствующих, кстати, по сей день. И вот что любопытно: люди, написавшие множество трудов по философии, по истории права, по этике, политике и так далее, не создали ни одного фундаментального труда по истории власти. Не странно ли?

Но это так, между прочим. Теперь я задам такой вопрос: «Что является самым дорогим и самым необходимым для человека?» При этом я предлагаю абстрагироваться от этических категорий, всегда довлевших над человеческой психикой,

которая, как тебе известно, менялась с каждой эпохой.

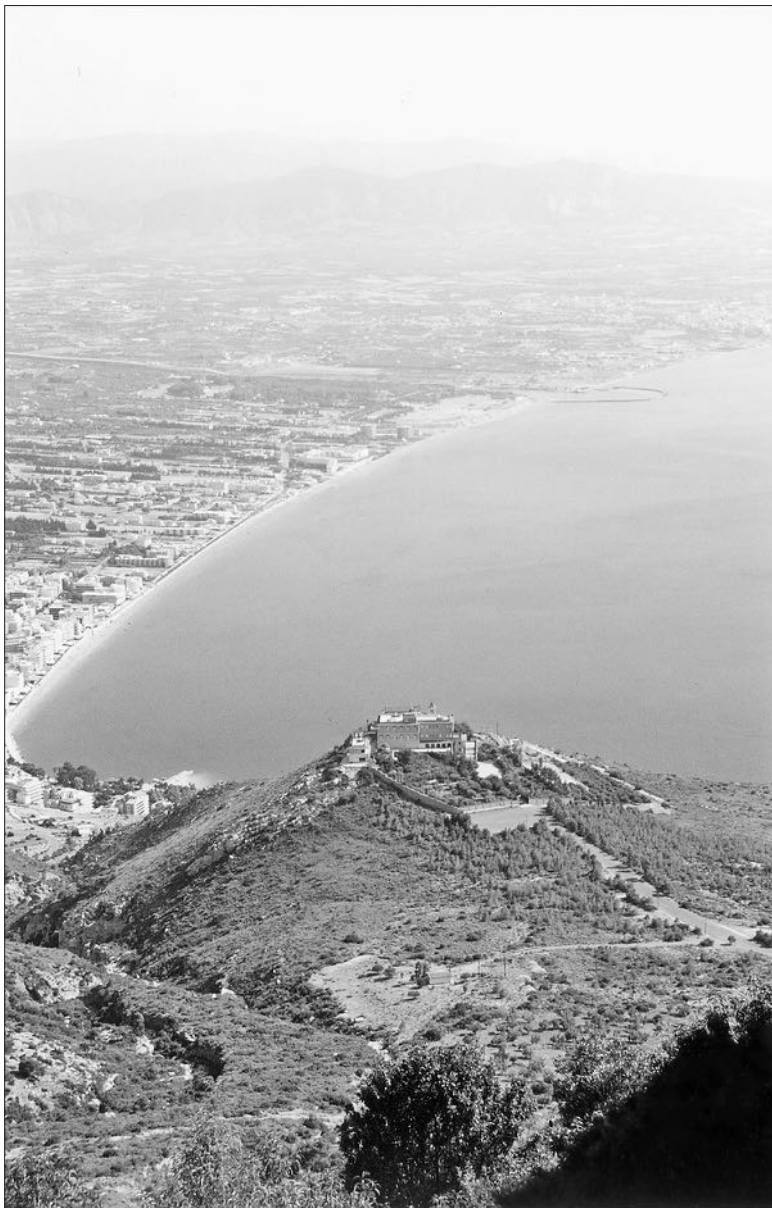
– Думаю, что жизнь.

– А что, как не власть, может наилучшим образом обеспечить её сохранность? Пока, скажем, монарх у власти, он обеспечивает себе наилучший образ жизни (с его точки зрения, конечно), у него безупречное питание, самые лучшие врачи, неустанно следящие за его здоровьем. Служба безопасности, обеспечивающая его покой, и так далее. Все физиологические потребности осуществляются в условиях максимального комфорта. Отложим пока обсуждение иллюзорности всех этих благ. Я излагаю то, как думает и сам монарх, и претенденты, желающие занять его место. А сколько ещё других привилегий приобретается с властью? Власть имущий в государстве или в какой-либо другой общественной структуре – это последняя правовая инстанция. Поэтому всё, что бы ни сделал монарх: изрёк ли, написал ли, совершил ли поступок, не подлежит осуждению со стороны низших инстанций. Мало того, в целях самосохранения власти все деяния монарха настолько превозносятся специально созданной для этого службой, что ценность их в итоге гипертрофируется в сознании самого властителя настолько, что он начинает думать о себе в третьем лице. То есть происходит элементарное расщепление личности. В медицине это называется шизофренией. Отсюда я делаю вывод: у каждого

монарха или лица, облечённого неограниченной властью, обязательно появляются черты шизофреника. Во всяком случае, он превращается в человека с явно выраженной психопатологией.

А далее, чем могущественнее власть монарха, тем страшнее ему жить. Он знает, что существуют претенденты на его власть. И наиболее опасны из них те, которые по иерархической лестнице находятся рядом с ним и от которых его отделяет только одна ступень или инстанция. Вот почему головы летели прежде всего у людей, приближённых к монарху или к лицу, наделённому высшей властью. Такое явление стало исторической закономерностью. Делалось это под разными предлогами. В одном случае это было раскрытие заговора, в другом – ликвидация враждебных элементов, в третьем – разгром антипартийных групп и т.д. Но двигатель везде был один и тот же.

Сейчас, Платон, понятие власти весьма усложнилось. На протяжении всей истории человечества власть одного человека настолько себя дискредитировала, что ей пришлось сильно поработать над своими костюмами, то есть переодеться и перелицеваться так, чтобы не вызывать всеобщего осуждения у подчинённых. Но это уже вопрос политики, а не философии. Поэтому я не буду отклоняться, и разбор современного положения оставим до лучших времен. Да и не вижу я его достаточно ясно.

Панорама Афин.

Наяды. Скульптуры.

Из того, что я сказал, мне хотелось бы сделать какие-то общие выводы, наподобие тех, которые ты так мастерски умеешь делать в своих диалогах.

– Попробуй, друг мой. Мне очень интересно будет их услышать.

– Я считаю, что власть – не результат несовершенства общества, а явление, родившееся вместе с ним. Стремление к власти всегда было в человеке, и я не вижу причин, чтобы оно исчезло когда-либо, а тем более в ближайшем будущем. Отсюда практический вывод: одна власть не может быть принципиально лучше другой и один правитель в общеисторическом масштабе, как правило, по всем параметрам стоит другого, Поэтому нечего тратить энергию, средства и, главное, ставить на карту дорогостоящие жизни людей при замене одной власти на другую. Полезнее было бы придумать более радикальные средства для её ограничения. В глобальном общечеловеческом масштабе, конечно.

Второй вывод: власть сама от себя никогда отказаться не может. Она может только низвергаться. При этом этические категории справедливости и несправедливости или меняются местами, или вообще перестают иметь какое-либо значение. Поэтому, может быть, целесообразно подсунуть обществу некий «эрзац» власти, наподобие того, какой существует в современной Англии, Швеции и в некоторых других странах, то есть некую

мнимую монархию. В этом варианте этический статус монархизма сохраняется, а фактическая власть существует независимо и в совершенно другой форме. Имеется ещё один вариант, на мой взгляд, способный уменьшить взрывоопасную силу власти. Есть такой принцип парадоксальной зависимости: чем больше раздроблено целое, тем прочнее его единство. Если власть в государстве расчленить на сотни, тысячи частей, она приобретает при той же суммарной объективности совершенно другие качества. Результативность деятельности такой суммы будет подчиняться статистическим законам, при которых каждая единица, составляющая сумму, не сможет круто повлиять на ход событий, на всю систему. То есть власть станет безопасной. Правда, всё это применимо только к современному глобальному обществу, в котором исчезла опасность самосмыкания отдельных частей и их автономизации. Тебе, Платон, это, может быть, покажется нелепым, но тут ты мне должен поверить на слово. Две тысячи с лишним лет кое-что изменили в облике общества и всей Земли в целом.

– Я охотно тебе верю, и если ты закончил, то позволь и мне сказать своё слово.

– Да-да, конечно! Только перед тем, как ты начнёшь говорить, я хочу задать тебе один вопрос.

– Пожалуйста.

– Ты не забыл, что в самом начале мы, по твоему совету, расчленили всю проблему на три части.

Колонны Олимпийона в Афинах.

Первую и последнюю нам как-то удалось обсудить, а вот средней части мы, по-моему, ещё не касались. Не хочешь ли ты осветить и этот вопрос? Тогда у нас получится в общем законченная картина.

– Вот, друг мой, ты и попался!

– Каким же образом?

– Увлёкшись обсуждением первой и последней части, ты не заметил, как мы построили логический мост, соединяющий обе эти части. Остался сущий пустяк, чтобы заставить его работать.

– Ну так давай же скорее! Заверши этот пустяк!

– Сначала вспомним, как мы сформулировали проблему, чтобы и мне, и тебе было ясно, о чём мы говорим.

Рисунок из серии «Кентавры».
Дон Кихот и Санчо Панса.

– Давай, Платон.

– Всю проблему мы разделили на власть и не власть, а в качестве третьего компонента её выделили отношения, которые образуются между властью имущими и претендентами на неё. Под последними мы подразумеваем вообще всех подчинённых, которые так или иначе испытывают на себе влияние власти. Так мы сформулировали проблему?

– Абсолютно точно.

– Мимоходом должен заметить тебе, друг мой, что многое из того, что ты говорил о властителях, мною было уже сказано в своё время. Толь-

ко власть имущих я называл тиранами, но суть от этого не меняется.

– Прости, Платон! Когда я говорил об этом, я ещё не прочёл твои рассуждения о тиранах и тирании. Для меня лестно, что в этой части рассуждений я независимо от тебя высказал аналогичные суждения. Но давай вернёмся к поставленному вопросу.

– Итак, из всех твоих рассуждений о власти, как я понял, можно сделать один и, пожалуй, единственный главный вывод: власть как феномен – явление неизбежное, но не безнадёжное (необходимое). У человечества есть возможность придумать что-нибудь и получше. Так я тебя понял? Или ты можешь предложить другую формулировку? Подумай! Основываясь на этой, я буду строить все свои дальнейшие рассуждения.

– По-моему, ты правильно ухватил основную мысль из сказанного мною.

– Так вот, друг мой, как ты правильно однажды заметил, власть ниоткуда не пришла и никуда не уйдёт, замечу я в свою очередь. Уже в обществе из двух человек устанавливаются такие сложные отношения, что появляется железная необходимость в установлении законов. Они нужны хотя бы для того, чтобы один не убил другого. «Ну и что же? – скажешь ты. – Пусть они возникают и работают!» Правильно! Чтобы издать закон, ничего, кроме декларативного заявления или клочка бумаги, не нужно.

Скульптура «Сплетение», бронза.

Но чтобы обеспечить его действенность, нужны санкции. А санкцией может обладать только власть. Иначе грош цена будет всем законам, пусть даже самым справедливым и гуманным. В обществе из трёх человек уже может осуществляться законодательство с обеспечением санкций. Но в этой же схеме есть и зачатки власти.

Один обязательно группируется с кем-то из тройки, и таким образом получается большинство и меньшинство. Кому-то из трёх изданные законы обязательно не понравятся, и он окажется в оппозиции и будет подавлен абсолютным большинством. Но это я скорее лью воду на твою мельницу. Здесь я говорю о неизбежности власти. Мне же интересно доказать её необходимость.

Человеком владеет множество всяких желаний. В своём диалоге я их называю вожделениями. Излишне сейчас перечислять все. Ты их знаешь или прочтёшь при случае. Одни я называю неизбежными, необходимыми, и поэтому полезными. Другие же, наоборот, излишеством. Они относятся скорее к извращённости и являются результатом неправильного воспитания. Я допускаю спорность их классификации, но они есть, и с этим ты, пожалуй, не будешь спорить.

– Не буду, Платон.

– Так вот, существуют такие крайности проявления этих вожделений, которые могут быть опасными как для жизни отдельных граждан, так и для государства в целом. Совершенно очевидно, что необходимы меры для их предотвращения. Этой мерой и является законодательство со всеми соответствующими средствами, обеспечивающими их результативность. Естественно, здесь стоит задать вопрос: а каково тем, кто осуществляет и обеспечивает наказания за нарушения законов? Как им обойтись без власти?

– Твоя правда. Никак невозможно.

– А в случае войны? Коль уж человечество не в силах отказаться от удовольствия иногда выпустить кровь друг у друга, то в этом случае организующим и направляющим механизмом общества должна быть власть.

– Прости, я тебя перебую, Платон! Давай войну оставим в стороне. Она требует специального исследования, о ней мы когда-нибудь поговорим особо. Я очень сожалею, что моя жизнь пришлась на эпоху, когда человечество не постигло ещё всю нелепость этого занятия. Но я считаю, что войны неизбежны. Просто не пришло то время, когда во главе государств или общностей встали бы люди типа твоих философов-мудрецов. Поэтому давай ограничим сферу распространения власти только на юриспруденцию и в тех масштабах, в которых мы её обозначили в самом начале.

– Согласен! Пойдём тогда дальше. Сдаётся мне, что страшна не сама власть, а предпосылки её возникновения. Если ты помнишь, как-то мы говорили о претендентах, толпящихся у подножия власти.

– Да, говорили.

– А что если ликвидировать каким-то образом (хотя бы мысленно) эту категорию? Тогда власть повиснет в воздухе и превратится, по сути, в фикцию.

– Что-то не очень понимаю. Растолкуй поподробнее.

– Я говорю о том, что если власть и весь аппарат, присущий власти, низвести до уровня обычного социального учреждения с зарплатой, со статусом прав на совершенно конкретную квалификацию, с соответствующими профессиональными институтами, готовящими кадры для этого учреждения, то власть перестанет быть властью. То есть необходимо лишить власть её элитарности. Я специально выражаюсь вашим современным языком, чтобы у нас не было недоразумений. В сущности, это то же самое, о чём ты говорил, когда предлагал одну-единственную власть расчленить на тысячу мелких.

Таким образом, мы пришли независимо друг от друга к единому мнению. Твои выводы только более категоричны. Но это уже детали. Значит, мы неплохо поработали. Можем теперь и отдохнуть.

– Платон! Я не в такой степени удовлетворён, как ты. Дело в том, что решение вопроса о власти само по себе ещё ничего не дает. Мне очень импонирует твоя идея катарсиса как метода, способствующего приходу к чистой истине кратчайшим путём. Но ведь людям, жившим в эпоху тирании в вашей Древней Греции, и нам, пережившим фашизм и другие экстремальные формы государственной власти, от этого не легче.

Не можем ли мы спуститься на землю и поконкретнее разобрать кое-что из наметившегося в нашем диалоге? Я думаю, что с помощью твоего авторитета и логического метода можно было

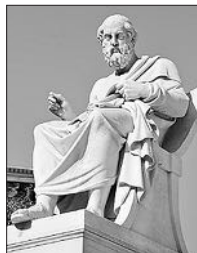
бы сделать много полезного для будущих поколений, да и нынешнему кое-чем помочь.

– Принципиальных возражений у меня нет, но предлагаю прерваться на время и ещё раз поразмышлять каждому в отдельности над уже сказанным.

До свидания, друг мой!

– До свидания, Платон!

Беседа пятая

– Должен сообщить тебе, Платон, печальную весть: мне придётся покинуть твою чудесную страну. Срок моего пребывания здесь ограничен как раз теми властью имущими, о которых мы говорили. А у меня осталось столько проблем, которые хотелось бы с тобой обсудить.

– Не печалься, друг мой! Тебе по наивности никак не удаётся понять одну простую вещь: если я существую для тебя вне времени, то ничто мне не мешает существовать и вне пространства. Я так же, как и здесь, явлюсь перед тобою в твоей же квартире или в любом другом месте, какое сочтёшь удобным. Лишь бы никто не мешал нашей беседе.

– В таком случае давай продолжим сейчас наш разговор и поведём его в том же спокойном ритме, в котором начали. Будем беседовать, будто впереди у нас вечность.

– Так оно и есть на самом деле.

– Платон! В одной из бесед по поводу власти я как-то тебя остановил, когда ты коснулся

темы войны. Даже несколько грубо остановил, сославшись на то, что это особая тема для разговора.

– Помню этот случай.

– Теперь же, подумав, я почувствовал (заметь, Платон, почувствовал, а не понял) некую связь между этими проблемами.

– Прямая связь! – поправлю я тебя. Война – это избыточная форма власти. Среди правителей редко встречаются безумцы, поэтому я смело могу сказать: «Только безумцы могут отважиться на войну, не укрепившись в своей власти». Власть всегда стремится к беспредельности, как парабола к бесконечности, и у неё наступает такой момент, когда она перестаёт уместиться в рамках собственного государства. Она не может оставаться одной и той же всё время.

– Может быть, ты и прав, хотя мне это пока не столь очевидно, как тебе. Во времена, когда вся Земля была разбита на сотни мелких государств, возможно, твоя идея избыточной власти имела место. Но как быть сейчас, когда всё человечество, населяющее Землю, по сути дела, разбито на два противоположных лагеря. Одна группа стран – с одним социальным укладом, другая группа – с другим. Какова здесь роль твоей избыточной власти и какова судьба такой глобальной конфронтации?

– Я никогда не был пророком, друг мой. Неблагодарное это дело. Но кое-что скажу по этому

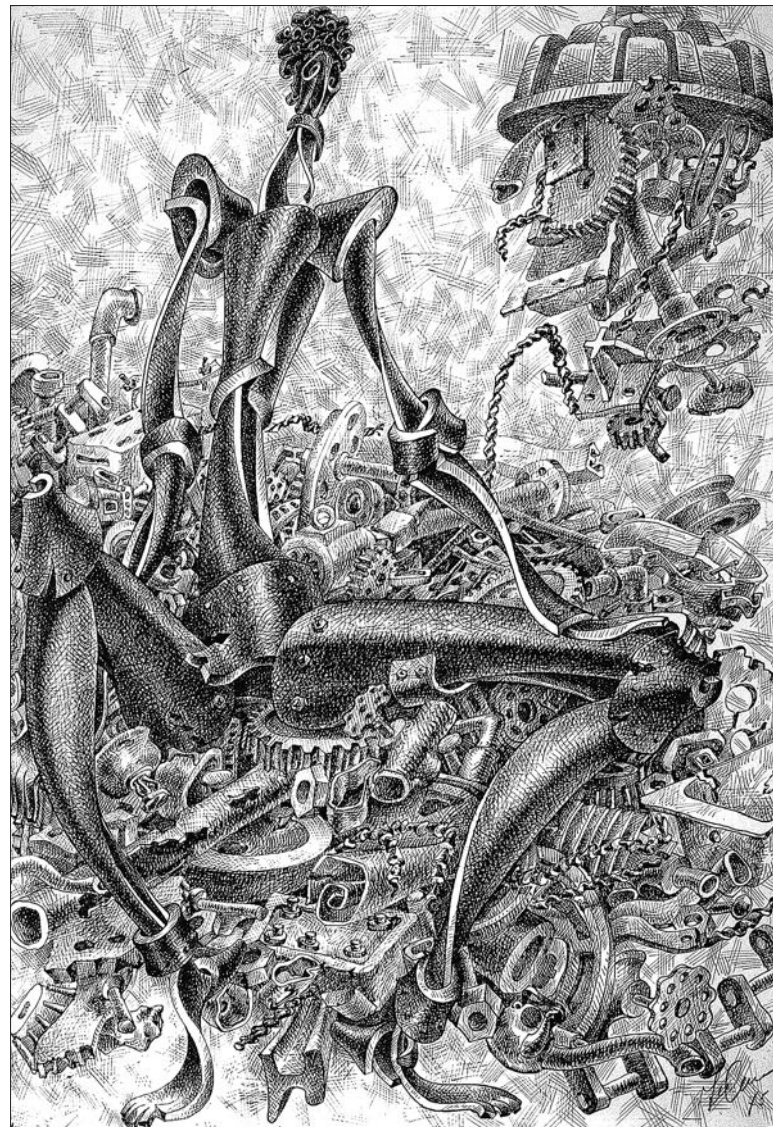

Афины.

поводу. Мне как-то приходилось уже упоминать о стационарности схемы «два». Именно в этой схеме, как в выражении предельного случая, наиболее остро и наглядно сталкиваются противоречия. Но в то же время эта схема обладает и особой прочностью. Её стационарность обеспечивается отсутствием арбитра.

– Значит, ты обрекаешь моё поколение и все последующие на вечную конфронтацию?

– Ну зачем так категорично? Может быть, твоим правнукам удастся в окрестностях Земли найти какую-нибудь цивилизацию и затеять с ней длительную войну. Тогда волей-неволей всем живущим на Земле придётся объединиться для обеспечения прочного мира.

Из серии «Дон Кихот». На свалке металлолома.

– Платон! Читая Гомера, Эврипида и других твоих собратьев по перу, мне всегда трудно было уловить, что нужно воспринимать как юмор, а что всерьёз. По-моему, ты шутишь!

– А ты нервничаешь, юноша! Позволь так называть тебя иногда. Ведь я на две тысячи с лишним лет тебя старше. Ты смотришь на мир с очень близкого расстояния, а я из далёкого прошлого. Приложи ладонь вплотную к глазам и попытайся рассмотреть внимательно – много ли ты увидишь?

– Послушай, Платон! Ты, наверное, всё-таки плохо представляешь, что сейчас творится на белом свете. Представь себе две общности на Земле, которые, не переставая, поливают друг друга отборной руганью, не стесняясь ни в средствах, ни в выражениях. Мало того, половина всех средств (я не преувеличиваю!), изъятых тем или иным способом у живущих, идёт на вооружение. При этом и та и другая сторона не устаёт клясться в своих мирных намерениях. «Чтобы разоружаться, нужно вооружаться», – говорят они. До такого парадокса не могли прийти даже величайшие мудрецы твоей эпохи. Или: «Чтобы спасти мир от войны, нужно всё время держаться на грани войны». Неужели тебя это не потрясает? По-моему, даже абсолютный идиотизм должен иметь какие-то пределы. Иначе, мне кажется, всем мало-мальски соображающим людям нужно разом повеситься, а остав-

шимся в живых идиотам предоставить возможность самим выяснять, кто из них имеет больше шансов претендовать на звание абсолютного идиота. Мне в голову пришла сейчас одна безумная идея. Что если одна из сторон в одно прекрасное утро вдруг возьмёт и прекратит всякую военную деятельность. То есть распустит армию, закроет все военные заводы и откажется от военного психоза? Как ты думаешь, другая сторона воспользуется этим и нападёт первой на ту общность?

– Друг мой! Если хочешь получить абстрактный ответ, не имеющий никакой пользы для нашего разговора, то я тебе скажу: не нападёт. Но беда в том, что такой ситуации быть не может. Она исключена, потому что этого не может быть. Ни одна сторона не сможет такого себе позволить. Но если даже предположить это «безумие», скажем, при каком-то суперинтеллигентном монархе, всё равно другая сторона не поверит в это и будет продолжать вооружаться до полного обнищания.

Пойми! Враждующие стороны выросли и воспитаны в одной и той же эпохе, и во взглядах на вещи у них не может быть радикальных расхождений. Вот так я возвращаюсь к обсуждаемой нами проблеме: путь к власти везде и всегда один и тот же. Поэтому ожидать от правителя чего-нибудь сверхъестественного – напрасная трата времени.

– Постой, Платон! Ты говоришь так, будто всё предопределено в нашем мире и ничего изменить нельзя?

– В этом, друг мой, одна из величайших трагедий всего человечества. Все мы и актёры, и режиссёры одновременно.

И всем нам известна пьеса, которую мы разыгрываем. Изменить в ней мы тоже ничего не можем. Разве что отдельные эпизоды можно сыграть немного хуже или немного лучше. Земля – это наша сцена. На ней, как по нотам, разыгрывается трагедия, у которой было начало (и я тому свидетель), должен быть и конец.

– Мрачную картину ты нарисовал, Платон. Мне в таком мире не очень-то хочется жить, а тем более играть какую-то второстепенную, заранее предопределённую роль. А как же быть с теми людьми, которые ради светлого будущего, ради гуманных идей жертвовали жизнью, погибали на кострах, виселицах, томились в тюрьмах? Или все их старания были напрасны?

– Ты меня не совсем понял. Дело в том, что люди, о которых ты говоришь, были, есть и будут всегда в любом обществе. Их роль чётко обусловлена в нашем спектакле. И подбираются на эту роль совершенно определённые актёры, то есть люди, которые никем другим быть не могут. Без них не было бы трагедии, не было бы спектакля. Я даже признаюсь тебе, что люди, взявшие на себя эти трудные роли, мне очень нравятся; я с большим

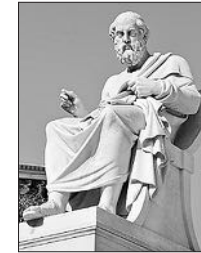
Фантазия.

интересом слежу за их игрой и часто преклоняюсь перед их самоотверженностью.

– Не кажется ли тебе, дорогой мэтр, что мы как-то отклонились от основного русла наших рассуждений? Не вернуться ли нам опять в лоно чистых проблем, чтобы до конца раскрыть идею власти и государства?

– Согласен. Только прежде выслушай маленькое возражение по поводу только что сказанно-

го. Всё, о чём мы говорили в этой беседе, имеет прямое отношение к нашей проблеме. Нет и не было в мире ещё таких проблем, которые решались бы только прямым путём. Проблему в силу неоднозначного её содержания иногда можно решить окольным путём и с бóльшим успехом. И ещё я хочу сказать: не стоит ли нам прерваться на некоторое время? Очень полезно поговорить с самим собою, прежде чем сделать категоричное заявление. Замечаю я в тебе некоторое раздражение, а это тоже не способствует выяснению истины. Мудрость всегда спокойна и бесстрашна. До свидания. Ты меня найдёшь, где хочешь и когда захочешь.

Беседа шестая

- Теперь давай попробуем рассмотреть феномен власти совсем в другом аспекте.
- Давай попробуем, Платон. Мне очень интересно узнать, какие неожиданности могут быть у этой «старухи».
- Представь себе, друг мой, что власть – это некая вещь, которую можно взять, пощупать, покрутить и осмотреть со всех сторон, а удовлетворившись, положить обратно туда, откуда ты её взял.
- Трудно мне это сделать, но попытаюсь. Власть хотя и обладает некоторой очевидностью, но всё-таки она не вещественна.
- Тем не менее соверши небольшое усилие над собою и представь её в виде некой абстракции, а последнюю ты можешь произвольно овеществить в форме любого предмета. Ну, скажем, для лёгкости представь власть в образе кошелька, до отказа набитого самой твёрдой валютой.
- Представил, дорогой мэтр. Что дальше?

– А дальше вот что. Много ли ты сможешь найти людей, которые бы, проходя мимо этого кошелька, не захотели бы его поднять и узнать: что там?

– Пожалуй, нет.

– А сможешь ли ты поручиться за то, что найдётся такой человек, который, обнаружив в кошельке деньги и сочтя их общим достоянием всех живущих, тут же попытается разделить поровну между всеми людьми?

– Хотелось бы, но не поручусь.

– Слушай дальше. По поводу того, что власть и деньги – вещи соприкасающиеся, а порой и взаимозаменяющие, ты, наверное, спорить не будешь. Это понятие общеизвестно и довольно тривиально. Поэтому, говоря о власти, мы можем в качестве синонима подставлять понятие «деньги». Или, как в нашем конкретном случае, кошелёк с некой валютой. То есть с предметом, имеющим неоспоримую ценность. Теперь представь себе, что всё-таки нашёлся человек, который в силу своей идеальной справедливости решил разделить всё содержимое поровну между всеми живущими на земле людьми. Что у него получится? Справедливость восторжествует, но в руках каждого окажется настолько ничтожная часть содержимого кошелька, что этот «каждый» не сможет почувствовать свою долю, не говоря уже о том, чтобы как-то использовать её в личных целях.

– Я всё это очень ярко представляю, Платон. Но что же дальше?

– Значит, когда власть разбивают на части, она перестаёт быть властью. Верно?

– Верно. Но кто же в таком случае может её разбить на части? Ведь чем она сконцентрированней, тем крепче.

– Друг мой! Тебе ли говорить об этом. В моё время в качестве первоосновы всего сущего мы придумали понятие «атом» и определили его как неделимый. А что произошло? В твой век научились не только расщеплять его, но и с удивительной ловкостью манипулировать его частями. У власти такая же судьба. Конечно, она никуда не исчезнет, но люди научатся так управлять ею, так её конфигурировать, что все тираны, жившие до этого, встанут из своих могил от удивления и тут же рухнут обратно. На этот раз навсегда.

– Красивую картину нарисовал ты, Платон! Недаром ты вошёл в историю как искуснейший идеалист и сочинитель. Но позволь уж спросить тогда: как скоро это может случиться?

– Ты опять меня огорчаешь. Говорил же тебе неоднократно: не пророк я, не оракул. Всё в руках божьих. Хотя ты в них и не веришь и даже, смотрю я, улыбаешься при упоминании о них, тем не менее последнее слово за ними. Для удобства ты можешь называть это как угодно: детерминизмом, природой, законом, системой вероятностей и т.д. Это уже твоё дело.

– Ладно, Платон, не обижайся! Не будем спорить по этому поводу. Ты мне лучше вот что ска-

Путешествие по морю.

жи: тот, кто решил взять этот наш пресловутый кошелёк, или власть, как мы условились её отождествлять, что с ним будет и какова последовательность его действий? При условии, конечно, если он решит всю власть оставить при себе.

– Ну что ж. Охотно займусь рассуждением на эту тему.

Во-первых, нужно признать, что власть всегда находится в поле зрения большого количества людей. По-моему, это очевидно и не требует дополнительных доказательств. Не было в истории человечества случая, чтобы была власть и не было бы претендентов на неё.

Во-вторых, не брать власть нельзя, она обязательно должна кому-нибудь принадлежать. Это её имманентное свойство.

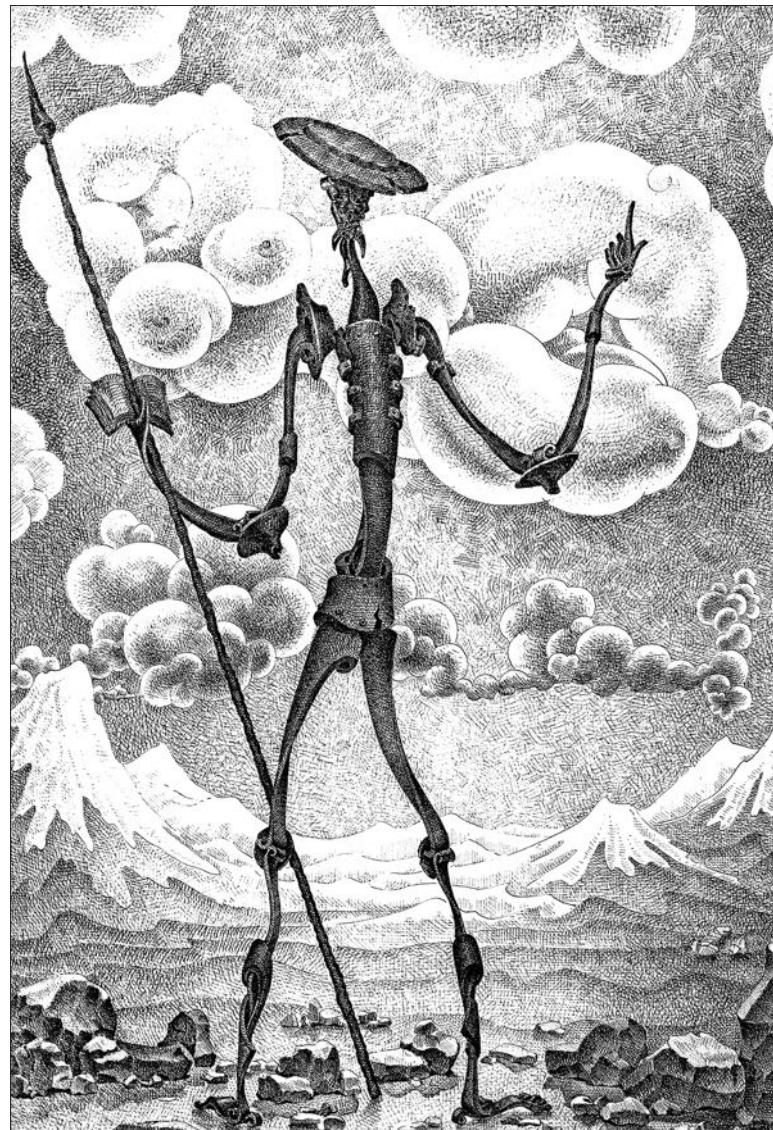

Рисунок из серии «Дон Кихот»
«Посвящение Дульсинее».

В нашем идеальном случае её необходимо брать немедленно и первому, кто находится рядом с нею. В противном случае невзавший её погибнет или, во всяком случае, будет иметь много неприятностей. Так всегда было, так есть, и у меня нет оснований думать, что в будущем что-то изменится.

И в-третьих, обладатель власти неминуемо будет стремиться к её централизации, к фокусированию в одной точке, но ни в коем случае не наоборот. Он будет окрашивать её в любые тона демократической палитры, придумывать соответствующие времени всякие декларативные обозначения, но суть останется той же. Власть всегда монетарна.

– Мрачноватую картину опять нарисовал ты, Платон. А как же быть с пресловутым «демосом»? Неужели он так и не сможет урвать для себя что-то и устроить сносное и поистине демократическое общежитие на Земле?

– Должен огорчить тебя, друг мой. «Демос» до тех пор демос, пока он не лезет в претенденты на власть. Как только в его голову закрадывается идея взять власть в свои руки, он сразу же перестаёт быть «демосом» и превращается в обычного стяжателя и претендента на власть. О дальнейшей судьбе его психологии я уже говорил.

– Ну а как же быть с парламентами, республиками, советами? Ведь они существуют и даже иногда успешно противостоят моновластию.

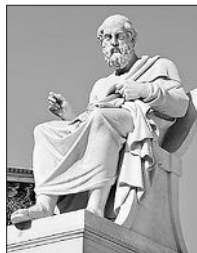
– Я думаю, что это фикция. В лучшем случае все эти общественные структуры не что иное, как попытка раздробить единовластие на более мелкие части. Это в лучшем случае. В основе же каждой части всё равно лежит неистребимое стремление захватить власть целиком. В большинстве случаев так называемая демократия декларируется властью имущими, и попробуй докажи обратное, не имея власти.

– погоди, Платон! Но хоть чего-то человечеству удалось добиться в упорядочении своего общежития за всю историю? Ведь моё время всё-таки как-то отличается от твоего!

Хотя бы в том, что для вас, эллинов, всё остальное неэллиновое население считалось варварами и подлежало истреблению. Сейчас большинство государств хотя бы условно признают суверенитет другого. Это уже громадный прогресс. И всё это произошло за каких-нибудь два с половиной тысячелетия.

– Позволь здесь мне промолчать, друг мой. Тебе, наверное, виднее. Да и пора нам отдохнуть немного. До свидания!

Беседа седьмая

– Сегодня я пришёл к тебе, Платон, с довольно наглым намерением. Я много думал над твоими рассуждениями и пришёл к выводу: несмотря на всю свою мудрость, ты что-то упускаешь в обсуждаемой нами проблеме. И довольно важное, на мой взгляд.

– Так что же именно? Я буду рад услышать критику моего юного друга в свой адрес. Я допускаю погрешность собственного суждения по тому или иному вопросу. Мне важно, чтобы любая теория, какой бы ошибочной она ни была, строилась по строгим логическим законам. Дело в том, что я не верю в существование абсолютных истин, сформулированных с помощью человеческого разума. Только боги могут претендовать на это. Для меня важна стройность теории, её логическая конструктивность. Важно, чтобы одна её часть не противоречила другой части, я с удовольствием приму любое твоё возражение, если оно будет построено на гармонии внутренних своих частей.

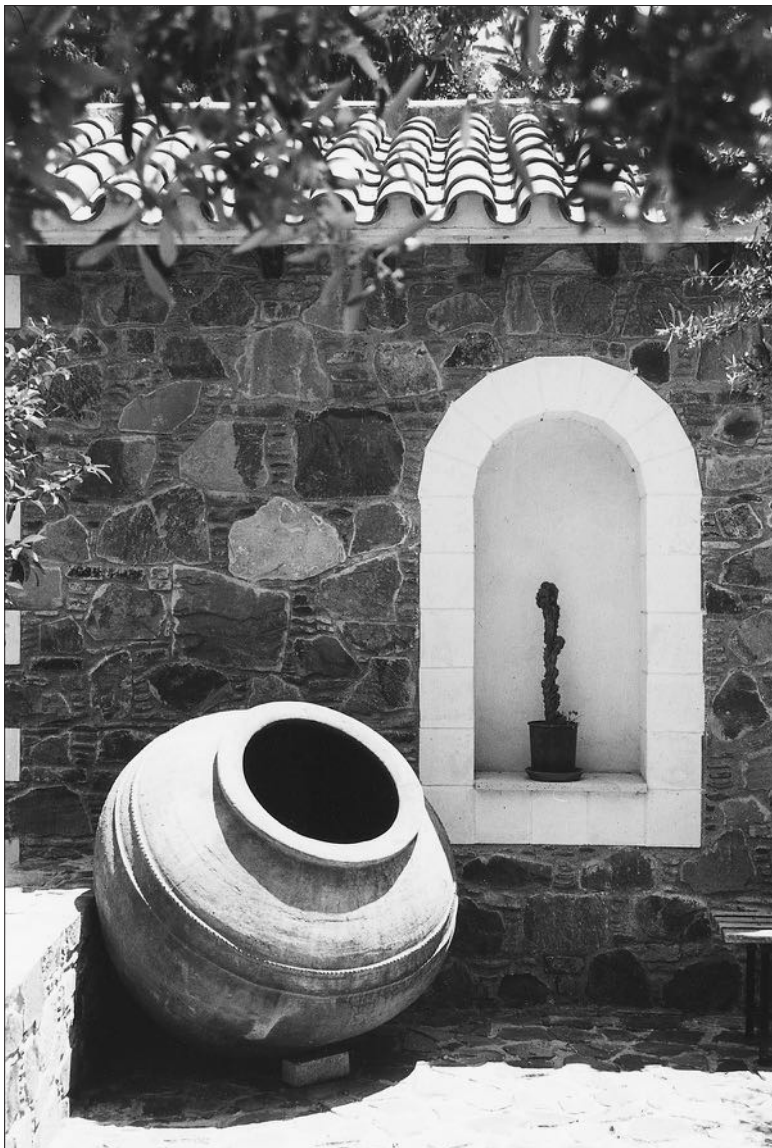
– Я хочу предложить тебе, Платон, рассмотреть феномен власти как некое биологическое явление, изначально данное и присущее всему живому. В этом случае будет место и твоим богам, и тому, что называется словом «разум». Таким образом мы сможем как-то сблизить наши позиции.

– Охотно выслушаю тебя. Только не прими за обиду одно небольшое замечание: наши позиции не нуждаются в сближении, нам важно найти общий метод исследования этих позиций.

Тогда все шероховатости в нашем диалоге исчезнут сами собой. И тем приятнее мне будет тебя послушать, что ты сам предложил свой взгляд на обсуждаемый нами предмет. Итак, я тебя слушаю.

– Ты вечен, Платон. Для тебя не существует проблемы времени. Для меня же оно актуально. Поэтому я буду краток и постараюсь не загружать свои рассуждения пространными цитатами из произведений авторитетных мыслителей моего времени и современной терминологией.

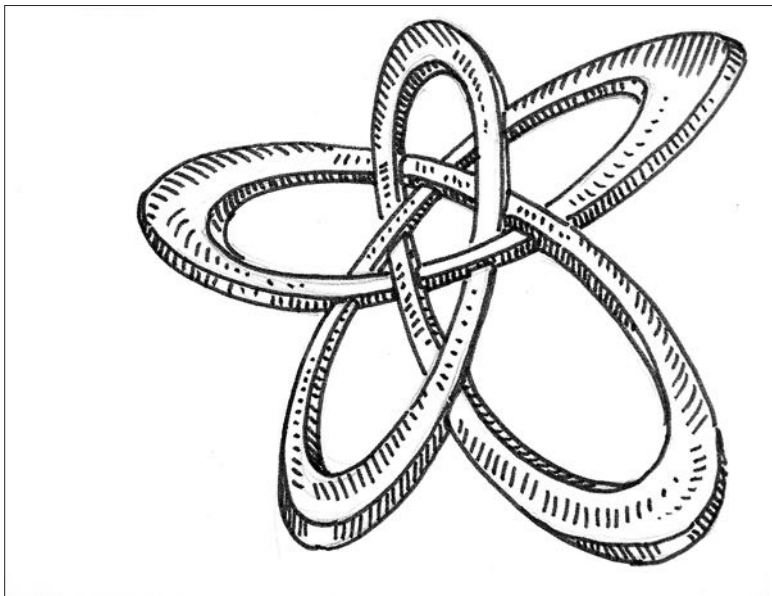
Пока никто из ныне живущих и мыслящих существ не может ответить на такой, казалось бы, простой вопрос: что такое жизнь? Вам, грекам, было легче. Дефицит информации требовал однозначного ответа, и вы, не задумываясь и не сомневаясь, смело решали этот вопрос. Теперь всё другое. Наука своим длинным носом настолько глубоко влезла в существо проблемы, что уподобилась той вороне, которая, вытащив

В греческом дворике.

Дон Кихот. Герой на века. Фрагмент скульптуры.

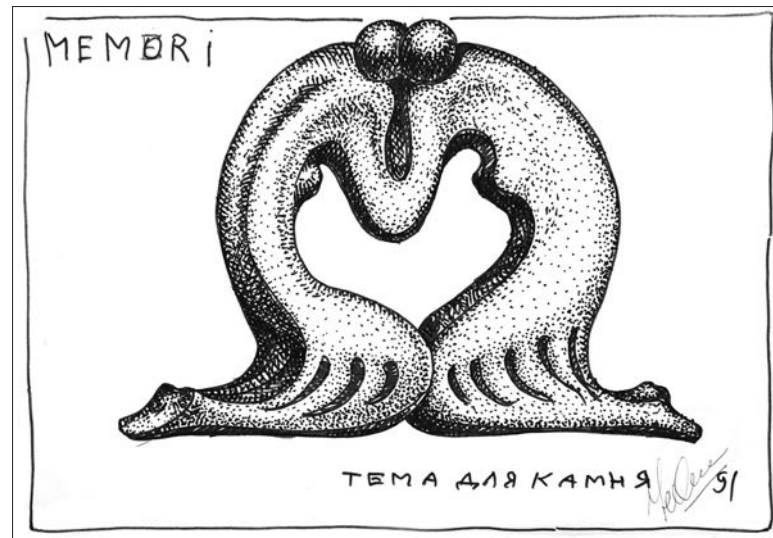
Эскиз скульптуры.

нос, увязает хвостом, а потом наоборот. Извини за такое вольное сравнение.

Сегодня науке достоверно известно одно: однозначно объяснить, что такое жизнь, она не может. И также не может обозначить чёткую границу между понятиями «жизнь» и «не жизнь».

Тем не менее известно, что всё, на молекулярном уровне предшествующее жизни или, как бы вы, греки, сказали, протожизни, подчиняется совершенно определённым законам.

Всё элементарное стремится одно к другому, и это стремление обусловлено разностью потенциалов, зарядов, радикалов и так далее, как любят гово-

Эскиз мемориальной композиции.

рить современные биофизики. Разность потенциалов – запомни это, Платон. Никто пока не задаётся вопросом, откуда это и почему такое. Может быть, так угодно твоим богам. Но все знают, что эта пресловутая разность потенциалов существует и прослеживается на всех уровнях живого и неживого. Не странно ли?

– Я слушаю и всеми силами пытаюсь понять тебя. О странности не спрашивай. Странностью человек обозначает как раз то, чего мы ещё не знаем и что пытаемся понять в рамках своего представления о мире. Продолжай, друг мой, ибо я пока не улавливаю связи с той проблемой, которую мы избрали для нашей беседы.

– Я не хочу, Платон, уподобляться вышеупомянутой вороне, чтобы не увязнуть какой-нибудь своей частью тела в затронутой мною научной проблеме. Мне хочется отметить одну закономерность. На всех уровнях: субатомарном, молекулярном, субклеточном и даже на уровне целого организма – происходит одно и то же – стремление одной субъединицы сблизиться с другой. Я спрашиваю, что здесь: стремление одной подчиниться другой или наоборот, подчинить себе другую? Есть третий вариант: ни то, ни другое, а обоюдное, изначально предопределённое стремление друг к другу.

– Я не хотел бы прерывать тебя своими рассуждениями. Мне интересно выслушать тебя до конца и понять, к чему ты затеял всю эту сложную и далекую от нашей темы конструкцию. Но коль ты поставил так конкретно вопрос, то я вынужден ответить на него. И вот каким образом: чисто процедурно, не вдаваясь в существо проблемы, я за третий вариант. Почему? Да потому, что он включает в себя ответ на первый и второй поставленные тобою же вопросы. Но это так, между прочим. Теперь я опять внимание.

– Скорее всего, ты прав, Платон. В итоге всё определяется стремлением друг к другу, вне зависимости от того, где сторона подчинённая, а где подчиняющая. В конце концов они имеют право меняться знаками.

– Но что же дальше?

– А дальше вот что. Коль скоро ты согласен с моей идеей всеобщего закона взаимоподчинения каких бы то ни было субъединиц, то в эту схему очень легко подставить и наши исследуемые величины.

– То есть?

– Власть имущие и власть неимущие.

– Любопытно! Давай-ка попробуй развить эту идею подробнее.

– Одну минутку, Платон! Сделаю это с большим удовольствием, но прошу прощения – мне необходимо отлучиться вот в эти кусты, ничто человеческое нам не чуждо. Извини, я сейчас!

– Так вот что я хочу сказать. Ты уверен в том, что подчинение так уж обязательно требует насилия?

– Я как-то не думал об этом, друг мой.

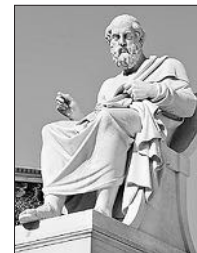
– Я тоже не думал, но сдаётся мне, что насилие в этом случае необязательно. Здесь действует закон разности потенциалов. То есть на каждого потенциального подчинителя обязательно найдётся потенциальный подчинённый. Так же, как (прости за грубое сравнение) на каждого самца – мужчину обязательно найдётся самка – женщина. И не просто в пропорциях один к одному, а с большим преимуществом в пользу первого! Разве не так?

– Боюсь, что так.

– А раз так, то что остаётся делать властолюбцу, если его страсть обеспечивается необходимым контингентом подчиняемых? Он с чистой совес-

тью берёт эту власть и пребывает в счастливом неведении о собственном злодеянии.

– Ну что же, юный друг мой! Ты неплохо построил схему своих рассуждений. Не могу сказать, что ты убедил меня в предложенной тобой версии, но кое-какие мысли по этому поводу ты во мне зародил! Как-нибудь мы вернёмся к этой теме, и я тебе выскажу всё, что я думаю применительно к данному аспекту проблемы. А пока давай расстанемся ненадолго. Счастливо домой добраться!

Беседа восьмая

– Давно не беседовал с тобою, Платон. Суетная жизнь лишает меня возможности более частого общения. У вас, греков, время текло совсем по-другому, поэтому, наверное, так и расцвела философия в ту эпоху. Я пришёл к тебе с предложением, Платон.

– Я рад выслушать тебя.

– Мне кажется, что вопрос о власти мы разобрали довольно основательно.

– Ну предположим.

– Если даже и не так, то всё равно исчерпать эту тему невозможно, тем более что проблема власти тесно переплетается с другими проблемами.

– Какими же?

– Ну, например, с проблемой о правах человека, с вопросом о государстве, которым ты в своё время занимался, и, наконец, проблема войны и мира.

– Так что ты предлагаешь?

– Я предлагаю разобрать и проанализировать с твоей помощью последнее. То есть войну и мир.

Парфенон.

А потом, если удастся, связать эту проблему с предыдущей. Как ты считаешь?

– Ну что же. Я не против. Только для нашего дела было бы полезно, если бы ты сам первым начал рассуждения. Мне легче было бы нащупать более правильную форму беседы и не отвлекаться на пустяки в вопросе терминологии, устаревших понятий и т.д.

– Согласен, Платон, и благодарю тебя за доверие. Попробую его оправдать.

– Итак, начинай.

– Для тебя не будет новостью, если я скажу такую тривиальную истину: сколько существует человек на Земле, таков же и возраст исследу-

Из серии «Дон Кихот». На деревянном коне.

емого нами феномена – войны. Чем объяснить, это, казалось бы, простое явление? Несвершенством общества? Неизбежностью? Тогда, по-видимому, наступит момент, когда всё живое подвергнется уничтожению на Земле и все наши рассуждения окажутся чистой бессмысленностью. А может быть, это единственная форма развития общества?

Тогда мы, живущие ныне, не должны так огорчаться угрозе войны и не печься о благах сомнительного мира.

– Я согласен с постановкой вопроса и думаю, что в ней уже заложена надежда на успех нашего предприятия. Попробуй разобрать каждый во-

прос в отдельности. Но прежде чем ты начнёшь, мне хочется предостеречь тебя от одной опасности, на мой взгляд, весьма существенной.

– Какой же?

– Ты под обществом понимаешь некое безликое чисто статистическое целое. А это не так. Структура его гораздо сложнее, и в глубину по временной вертикали, и по пространственной горизонтали. К тому же не забывай: история изобилует личностями, которые сыграли немалую роль в возникновении той или иной войны. Но, извини, друг. Это я так, на всякий случай.

– Я как раз и хотел начать с человека, Платон. То есть с элементарной частицы общества.

– Не буду тебе мешать.

– Ты можешь себе представить человека, который бы не знал, что такое «моё», а что такое «не моё»?

– Трудно, но попытаюсь.

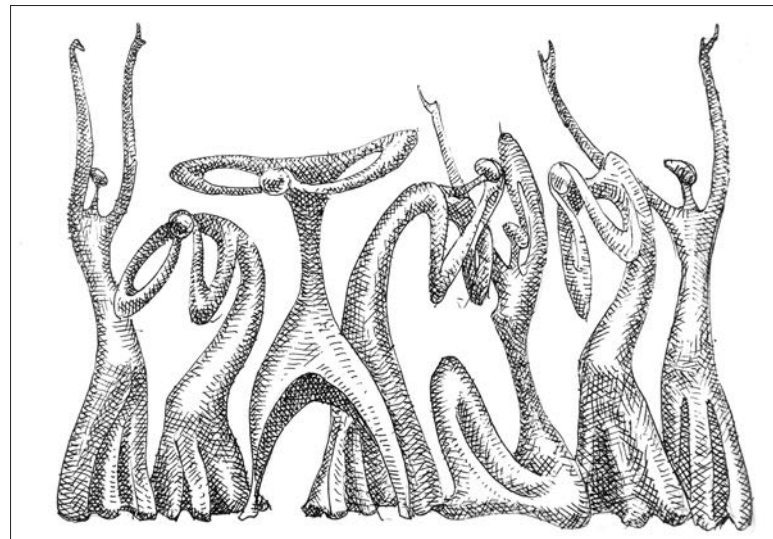
– А можешь предположить, что будет делать этот человек, встретив другого такого же человека?

– Скорее всего, они очень быстро начнут ссориться из-за предмета, имеющего ценность для того и для другого.

– Вот и я так думаю. Причём не важно, что это будет за предмет: женщина, съедобная пища, пространство или просто духовная ценность.

– Так что же?

– Я думаю именно таковым человек и был. Мало того, он таким и остался. Только понятия «моё»

Эскиз скульптурной композиции.

и «не моё» были взяты под охрану тщательно разработанных законов.

Первые конфликты возникали просто потому, что одному хотелось иметь то, чего у него не было, но имелось у другого. Естественно, самый простой способ достичь желаемого – отнять силой или убить другого. Но тут возникал вопрос силы, ловкости и в конечном счёте изобретательности. Простой конфликт начал совершенствоваться в особый род занятий. Появились войны, задачей которых являлось отбирать то, чего у одних не было или было мало. Начались войны между группами людей. Им ещё не нужно было искать повода для начала войны. Войны были

нормой. Такое положение с неизбежностью привело к возникновению новых городов, даже не городов, а крепостей, где можно было совершить хотя бы минимальный цикл развития: родиться, вырасти до полового возраста и родить не менее двух себе подобных бойцов.

Человек знал: раз он существует, то существует и враг, который претендует на его имущество или на то, что может быть имуществом.

– Пока всё вроде бы логично, друг мой. Продолжай, я тебя слушаю.

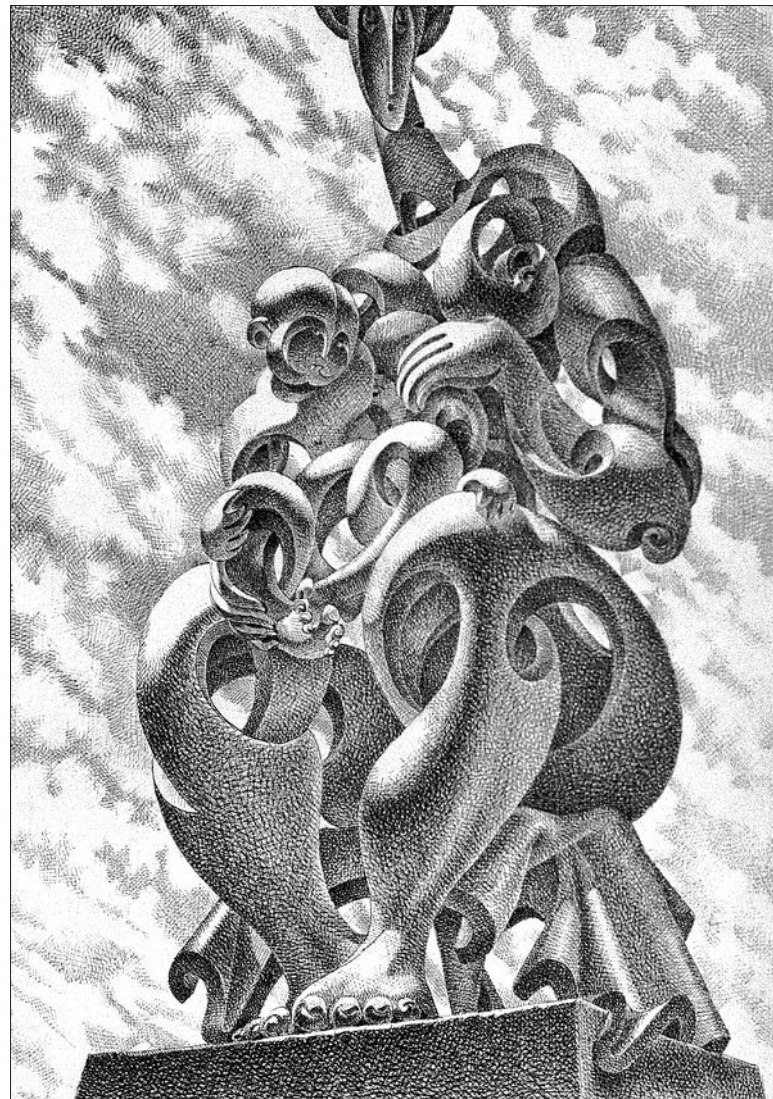
– Эти крепости, укрытия, защитные сооружения, города – назови, как хочешь – разрослись в довольно большие общности. Но сущность-то человека не изменилась. Его стяжательская сущность проявлялась и внутри объединения. И тем самым ослабляла общность, снижала её сопротивляемость иноплеменным агрессиям. Человек своим слабым умом пришёл к удивительным выводам: нужны какие-то ограничения, действующие хотя бы внутри общности, чтобы оградить себя от полной гибели.

Так возникло общественное сознание со своим, поначалу примитивным, статусом законов. То есть появилась этическая структура, которая со временем переросла в государство.

– А куда делись понятия «моё» и «не моё»?

– Они превратились в «наше» и «не наше».

Но сущность проблемы не изменилась. «Не наше» по-прежнему являлось желанным объ-

Эскиз скульптуры «Памятник всем матерям».

ектом с потребностью превратить в «наше». Города превратились в государства, а затем и в сообщества государств. Мир в течение каких-нибудь двух тысячелетий был поделён на довольно стабильные участки. Казалось бы, можно теперь успокоиться и всем жить мирно, занимаясь своими внутренними проблемами. Не тут-то было.

– Почему же так?

– Потому что сущность человека, общностей и сообществ осталась той же! Структура же сильно усложнилась. В ней произошла очень серьёзная перемена. Человек был отчуждён от собственности. Понятия «мое» и «не мое» превратились в фикцию. Вместо этого человеку были даны права с очень размытыми определениями. Это не могло не отразиться на статусе межгосударственных отношений. «Не наше» стало нельзя безнаказанно превратить в «наше». Необходимо было придумать более хитрый, изысканный механизм для осуществления своих притязательных сущностей. Появились такие понятия, как справедливость, свобода, братство.

Под этими лозунгами люди стали выпускать кровь друг у друга в невиданных доселе размерах. Я уже не говорю о религии, которая не раз подливала масло в огонь войны, а Бог, носитель символа справедливости, спокойно взирал на всё это безобразие.

– Ну и что же дальше?

– А дальше произошла удивительная вещь. Весь мир как бы раскололся на две системы, и каждая система убеждает своих подопечных, что она самая лучшая, справедливая и миролюбивая. При этом и та и другая всеми средствами вербуют себе сторонников и тратят половину своих доходов на ненужную и бессмысленную, с их же точки зрения, войну.

Тут уже, Платон, я тебе ничего объяснить не могу. Мне известны парадоксы в естественных науках, знакомы парадоксы в отношениях между людьми, но разъяснить и понять парадокс в таком масштабе мне не под силу. Может быть, тебе со стороны и из глубины твоего времени всё покажется более объяснимым.

– Ты осветил, дорогой коллега, только первый свой вопрос. Скорее всего, как я понял, ты склонен ответить на него утвердительно. То есть ты считаешь, что причины возникновения войн заключаются в несовершенстве общества. Давай запомним это и последуем дальше. Попробуй порассуждай теперь о неизбежности войн или, наоборот, о возможности их прекращения раз и навсегда.

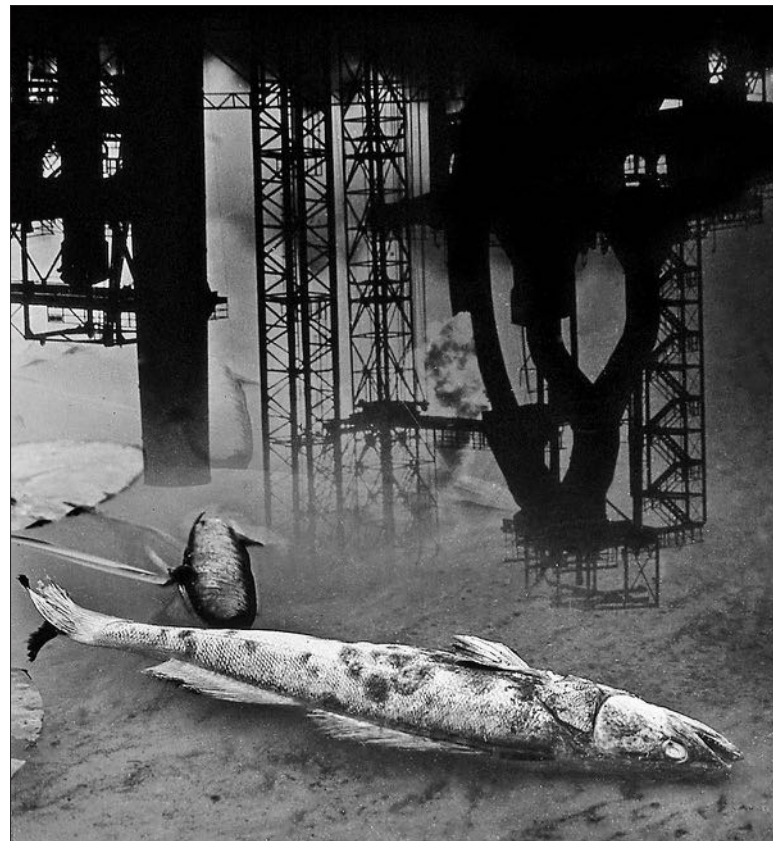
– Попробую. Дело в том, Платон, что к этому вопросу у меня двойственное отношение. С одной стороны, как только бросишь взгляд на всю обозримую историю человечества, видишь одни только войны. Не сыщешь ни одного периода величиной с месяц, чтобы кто-то где-то с кем-то

не воевал. Стоит закончиться одной войне, как тут же начинается подготовка к другой. Мира в этом смысле не существует, он превращается в латентную форму войны.

Некоторое представление о росте человеческих жертв в войнах на европейском континенте могут дать следующие данные:

Век	Млн человек
XII	2 - 2,9
XIII	3 - 5
XIV	6 - 9
XV	8 - 11
XVI	14 - 16
XVII	45
XVIII	40
XIX	17
XX (до 1925 г.)	52

С другой стороны, я не могу представить (и не хочу!), чтобы этот идиотизм продолжался вечно. Мне очень хочется верить, что разум человеческий всё-таки однажды поймёт, что в конфронтации важно не обострение разногласий, а нивелировка, смягчение путём сдерживания своих врождённых агрессивных инстинктов, путём подавления ложного в этом случае самолюбия и полного отказа от бахвальства и фанаберии.

Эхо XX века.

Как видишь, в этом вопросе у меня нет однозначного решения. И тут я, наверное, опять обращаюсь к твоей помощи.

– Возможно, юноша, нам и удастся что-нибудь дельное вывести из этой проблемы. Но всё ли ты сказал по данному вопросу? Может быть, у тебя будут ещё какие-нибудь соображения? Нам нужно

как можно полнее осветить вопрос войны и мира, поэтому всякое суждение твоё будет полезным.

– Я могу сказать ещё вот что. Всякий конфликт, возникающий как между отдельными людьми, так и между какими-то общностями, обязательно имеет причину. И я заметил, что эта причина всегда оказывается как бы скрытой, но более глубокой, чем та, которую официально провозглашают и всячески навязывают конфликтующие стороны. Это наводит меня на мысль, что война – явление детерминированное. То есть наличие партнёра или противостоящей стороны обязательно предполагает наличие скрытого конфликта. Просто в силу этих скрытых причин назревает какой-то момент, когда общества (и отдельные люди тоже) должны поссориться и начать изнурительную для обеих сторон войну.

Из этого я делаю такой вывод: всякая сторона, независимо от того, насколько справедливо её участие в возникновении войны, несёт ответственность за кровопролитие.

Если бы этой установке следовали все правительства, все общности, все отдельные люди, мир бы преобразился. Но, к сожалению, я не вижу способа, с помощью которого можно было бы довести эту простую истину до их сознания.

– Ну что ж. Это существенное добавление к тому, что ты сказал ранее. Оставим пока этот вопрос в том виде, как ты его осветил, и продолжим наши рассуждения.

Николай Силис.

Похоже, что ты склонен думать о войне как о неизбежном зле, как о проклятии, висящем над всем человечеством. Позволь тебя спросить в таком случае, как ты расцениваешь современную тебе ситуацию? Коль скоро война неизбежна, то чем, по-твоему, она может кончиться? Конечно, при этом ты вправе учитывать весь ваш уровень технической оснащённости и распределение сил на всех континентах.

— Я так же, как и ты, Платон, не склонен к пророчеству. Не знаю ни одного футуролога, который бы правильно и обоснованно выдал прогноз хотя бы на ближайшие десять лет. По-видимому, существует некий предел в сфере человеческого предвидения. Но ситуацию, как я её понимаю, попытаюсь изложить.

— Слушаю тебя.

— Войны, бывшие в твоё время и имевшие место в истории много столетий после, существенно отличаются от той войны, которую человечеству, может быть, придётся пережить. В современном обществе произошло ещё одно очень важное событие, отсутствовавшее в прошлом. Исчезло непосредственное соприкосновение врага и противника. Между конфликтующими сторонами встала техника, которая непосредственно не воздействует на врага.

Сейчас, если бы одному правителю непременно нужно было задушить другого правителя или прирезать его чем-нибудь острым, то есть прак-

Девушка и смерть. Рисунок.

тически совершить убийство, то, может быть, правители не так охотно шли бы на увеличение напряжённости между конфликтующими сторо-

нами. В силу воспитания, существующей морали или просто в силу собственной немоги они не пошли бы на такой способ решения конфликта.

Но дело в том, что правителю достаточно снять телефонную трубку и произнести две-три фразы или в худшем случае нажать необходимую кнопку, и мир мгновенно запылает. В течение нескольких минут погибнут миллионы людей. Естественно, что каждый правитель надеется сделать это первым. А повод, как я уже говорил, может быть любой, даже самый пустячный. Чтобы яснее ты смог представить картину последствий предстоящей войны, приведу несколько высказываний своих современников по этому поводу:

«В интервью газете “Лос-Анджелес таймс” вице-президент США Буш откровенно заявил, что, если мы обеспечим возможность выживания высшего командования, а также необходимого промышленного потенциала, мы сможем нанести противоположной стороне бóльший ущерб, чем та сторона нам. Это как раз тот путь, на котором мы сможем победить в ядерной войне. Буш добавил, что при этом может выжить лишь около пяти процентов населения. В Заявлении Пагуошского совета, состоявшегося в сентябре 1981 г. в Банфе, эти расчёты были названы “роковым заблуждением”».

И вот подумай, Платон, сейчас ты будешь смеяться. Перед лицом всеобщей гибели в первые

же мгновения развязанной войны люди начали думать знаешь над чем?

– Над чем же?

– Над тем, чтобы ослабить силу оружия и попытаться будущую войну из глобальной перевести в тактическую. Не идиотизм ли? Стоило человечеству так развиваться, чтобы дойти до такого кретинизма. И самое удивительное то, что никто не захочет в этом кретинизме признаться. А происходит это, по-моему, потому, что воюет не человек с человеком, а машина с машиной. Одна государственная машина хочет уничтожить другую, точно такую же.

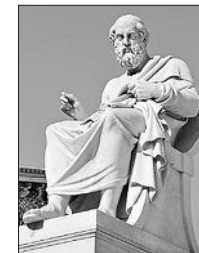
– Какой же вывод у тебя будет, друг мой?

– Вывод опять печальный, дорогой Платон. Какая-то взрывчатка заложена во всё живое нашим Создателем... Все вопят о мире, лезут из кожи вон, чтобы доказать свою миролюбивость, а война, как наваждение, надвигается и надвигается. Некоторые отчаянные парни, такие как Тойнби, Бертран Рассел и многие другие, пытались образумить общество. Предлагали, в частности, некое всемирное правительство и прочие штуки. Даже кое-что было создано типа Лиги Наций или ООН, а во что это превратилось? В пустую говорильню. Арбитром в решении конфликтов эти организации не стали.

– Ты закончил или ещё что-то хочешь сказать?

– Да нет, пожалуй. Мне хотелось бы тебя послушать, Платон. Что ты обо всём этом думаешь?

– Подожди, не спеши, уважаемый коллега. Видишь, как далеко мы ушли от твоего дома. Давай вернёмся, я тебя провожу немного и разойдёмся. На время, конечно. Подумаем, поразмышляем и при встрече попытаемся связать всё это в стройную концепцию. А если не удастся, попробуем подойти к этой проблеме с другой стороны. До встречи, юноша!

Беседа девятая

– Платон, извини, что я так скоро тебя побеспокоил.

Как только мы расстались, попаласть в руки мне книжонка одна. Пустяковая книжонка, можно сказать. Из периодики. Они в наш век выпускаются в большом количестве, и уследить за достоинствами каждой из них просто невозможно.

– Так что же тебя взволновало?

– Сейчас всё расскажу. Всё достоинство этой брошюры заключается в том, что автор собрал все (или почти все) имеющиеся высказывания современных мудрецов по интересующему нас вопросу.

– Это интересно! Но мне кажется, что суждения других философов нам не указ и не повод для изменения избранного нами метода исследования.

– Да нет, Платон! Дело в том, что все они пытаются охватить ту же самую проблему и чуть ли не теми способами, что и мы с тобою. Знаешь что? Я хочу сделать тебе довольно гнусное предложение: привести несколько выдержек или

Храм Зевса Олимпийского в Афинах.

В. Лемпорт, Н. Силис. Фрагмент рельефа для посольства СССР в Греции, Афины.

цитат, относящихся к нашему разговору. Потрудись выслушать их. Если надоест или сочтёшь нудным, прерви и останови меня. Я не обижусь. Думаю, это нам обоим пойдёт на пользу. При решении или даже постановке какой-нибудь проблемы очень важно договориться сначала о терминологии. С этого и начинается брошюра. Что такое конфликт?¹ Экономисты предлагают рассматривать конфликт как один из специфических видов конкуренции.

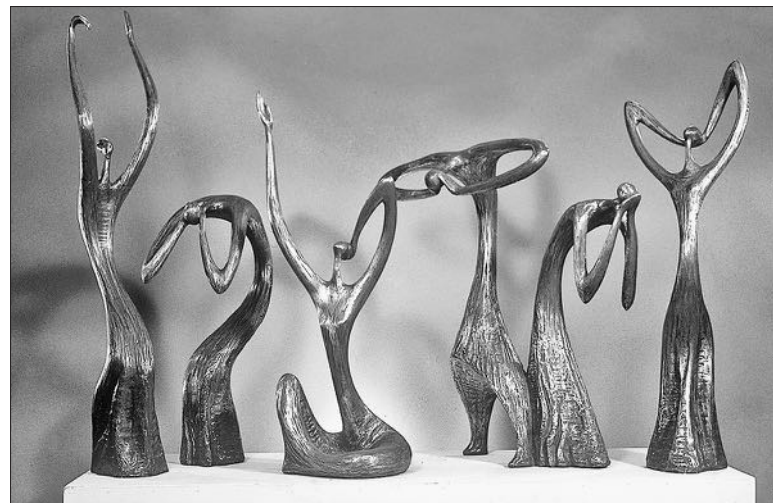
¹ Все цитаты приведены из брошюры Н. И. Дорогиной «Международный конфликт». М: Международные отношения, 1981.

Поэтому термины «конфликт» и «конкуренция» они часто употребляют взаимозаменяемо. Психологи предпочитают говорить о «напряжённости», «трениях», «стрессе», другие специалисты – о «спорах», «оппозиции», «антагонизмах», «ссорах», «играх», «дебатах» и т.п.

По мнению профессора Мичиганского университета К. Фанка, мыслимые формы социального конфликта могут быть следующими:

«... столкновения отдельных личностей, внутри-семейных трений, конкурентной борьбы монополий, гражданских войн, военных переворотов, всех типов международных конфликтов независимо от их исторической и социально-политической природы». Затем следует более пространное определение: «Социальный конфликт – это любая социальная ситуация или процесс, в котором две или более социальные единицы связаны по крайней мере одной формой антагонистических психологических отношений или одной формой антагонистического взаимодействия». К психологическим антагонизмам автор относит несовместимость целей, взаимоисключаемость интересов, эмоциональную враждебность и т.п.; под антагонистическим взаимодействием он понимает взаимодействие от самых прямых и нерегулируемых способов борьбы до высоко регулируемых форм взаимного вмешательства.

«Боулдинг пытается провести концептуальное различие между понятиями конкуренции и кон-

Скульптурная композиция.

фликта, обращаясь к сравнительному анализу “конкуренции фирм за рынок” и “конкуренции государств за территорию”. По его мнению, “конкуренция фирм постоянна и продолжительна, а конкуренция государств отмечена драматическим чередованием войны и мира”».

«Конфликт, согласно Райту, есть “противостояние социальных единиц, направленных друг против друга”, в отличие от конкуренции как “противостояния социальных единиц, независимо друг от друга прилагающих свои усилия к тому, достижение чего далеко не в равной степени удовлетворит всех”». Конфликт, таким образом, характеризуется “взаимным вмешательством сторон”, конкуренция – их “параллельными устремлениями”».

Однако в современную эпоху, рассуждает далее Райт, деструктивные последствия войны начинают «перевешивать» её конструктивный эффект. Война в XX столетии приобретает дисфункциональный характер. «Война вступила в противоречие с идеалами религии, положениями современной философии, целями мировой экономики и политики. Чем мощнее становится военная машина, тем очевиднее, что война несёт потери неизмеримо большие, чем предполагаемые приобретения её участников».

К воззрениям Райта близка по своей сути и концепция «социальных изменений» английского учёного-конфликтолога Дж. Бертона, который считает, что изменения в системе международных отношений необязательно должны ставить под угрозу мир. По его мнению, конфликты, хотя они и продолжают возникать, больше не являются единственным инструментом социальных изменений.

К «позитивным» функциям конфликта, по его мнению, можно отнести то, что конфликт предотвращает стагнацию, стимулирует интерес и любознательность, служит средством, с помощью которого можно ставить проблемы и приходиться к решениям, представляет собой корень личностных и социальных перемен.

«К счастью, – заключает автор, – никто не стоит перед перспективой бесконфликтного существования. Конфликт не может быть ни изжит на-

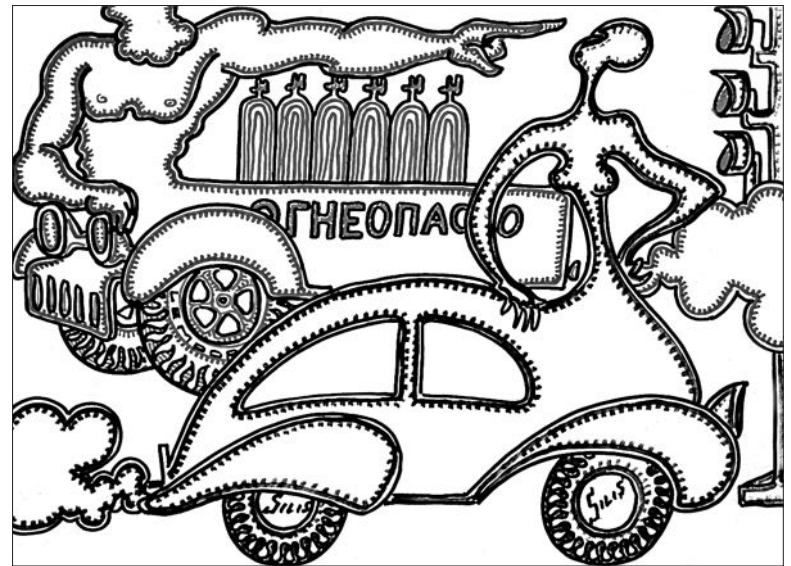

Рисунок из серии «Кентавры».

вечно, ни сдерживаться на протяжении долгого времени».

Дойч: «Цель состоит не в том, чтобы устранить или предотвратить конфликт, а в том, чтобы найти способ сделать его продуктивным».

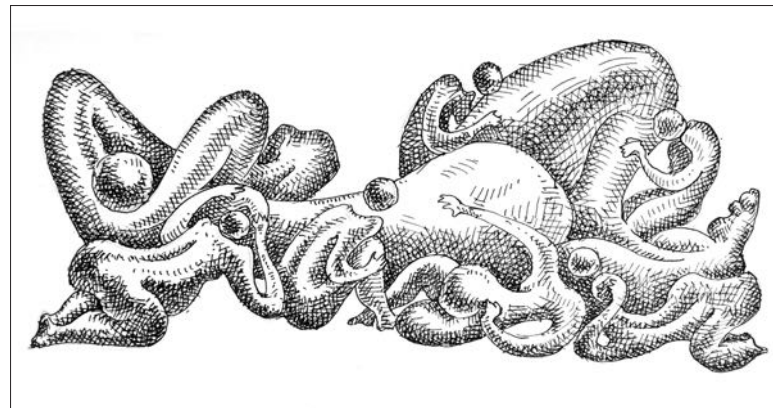
Дж. Фрэнкел: «Отношения между группами людей тождественны и взаимоотношениям отдельных людей, только они никогда не базируются на чистой любви и лишь в редких случаях – на чистом страхе и ненависти».

Фрэнкел выделяет три основных типа отношений. «Два крайних типа взаимоотношений между группами, – пишет он, – часто называют сотрудни-

ничеством, в случае если между ними нет конфликта, и борьбой, если конфликт между ними является настолько острым, что делает неприемлемым компромисс (взаимное приспособление), и уничтожение оппонента становится единственной задачей. Большинство ситуаций между этими двумя типами взаимоотношений можно назвать конкуренцией. Здесь конфликт существует, но не является абсолютным, так как смягчается некоторой общностью интересов и часто заканчивается компромиссом».

Бертон: «Представляется ошибочным рассматривать внутренний конфликт и конфликт между государствами как независимые друг от друга явления или же рассматривать какой-либо конкретный случай внутреннего или международного конфликта в отрыве от взаимодействия его внутренних и внешних аспектов».

Подход к определению конфликта предложен в своё время американскими социологами Р. Максом и Р. Снайдером. По их мнению, конфликт имеет место в том случае, если можно выявить следующие элементы и характеристики: во-первых, наличие, по крайней мере, двух сторон, имеющих контакт друг с другом; во-вторых, взаимоисключающие или несовместимые интересы, вытекающие из недостатка ресурсов или уязвимости позиций одной из сторон; в-третьих, поведение, направленное на уничтожение, разрушение планов, намерений и т.п. стороны или

Эскиз скульптурной композиции.

сторон, а также такие взаимоотношения, при которых каждая сторона может что-либо приобрести за счёт другой; в-четвёртых, враждебные действия, направленные против другой стороны, и ответные действия; в-пятых, попытки силой добиться контроля над недостающими ресурсами и позициями или же применить её, чтобы определённым образом повлиять на поведение противника».

В Философской энциклопедии конфликт в широком смысле определяется как «предельный случай обострения противоречия».

– Как видишь, Платон, в этих высказываниях есть близость к обсуждаемой нами проблеме. И даже кое-что совпадает с нашими мыслями. Если ты не устал и не считаешь всё это ненужным, я продолжу.

– Да-да, друг мой, пожалуй, это интересно. Во всяком случае, может нам пригодиться.

– Далее я предлагаю более подробные разработки этих теорий или скорее определений. Пусть тебя не смущает громоздкость приводимого материала. Таков стиль нашего времени.

«Теория поля», разработанная Райтом. В её основе лежит идея представления государств в виде точек в некотором многомерном пространстве, определения расстояний между точками и попытка объяснения поведения государств наличием этих расстояний. Такое описание системы государств впервые было предпринято Райтом в работе «Исследование войны» и затем развито в целостную концепцию в книге «Исследование международных отношений».

«Сторона в конфликте» по Боулдингу – это «би-хевеиоральная единица, то есть какое-то составное целое или организация, способная принимать различные состояния при сохранении тождества или общей границы». Такой единицей, по его мнению, могут быть личность, семья, виды животных или растений, класс идей, теория (в идеологических конфликтах) или социальная организация (фирма, церковь, профсоюз, государство).

А. Рапопорт пишет: «Похоже, что создание “общей теории конфликта”, скорее всего, невозможно, поскольку понятие “конфликта” выражает наше понимание и отношение к множеству су-

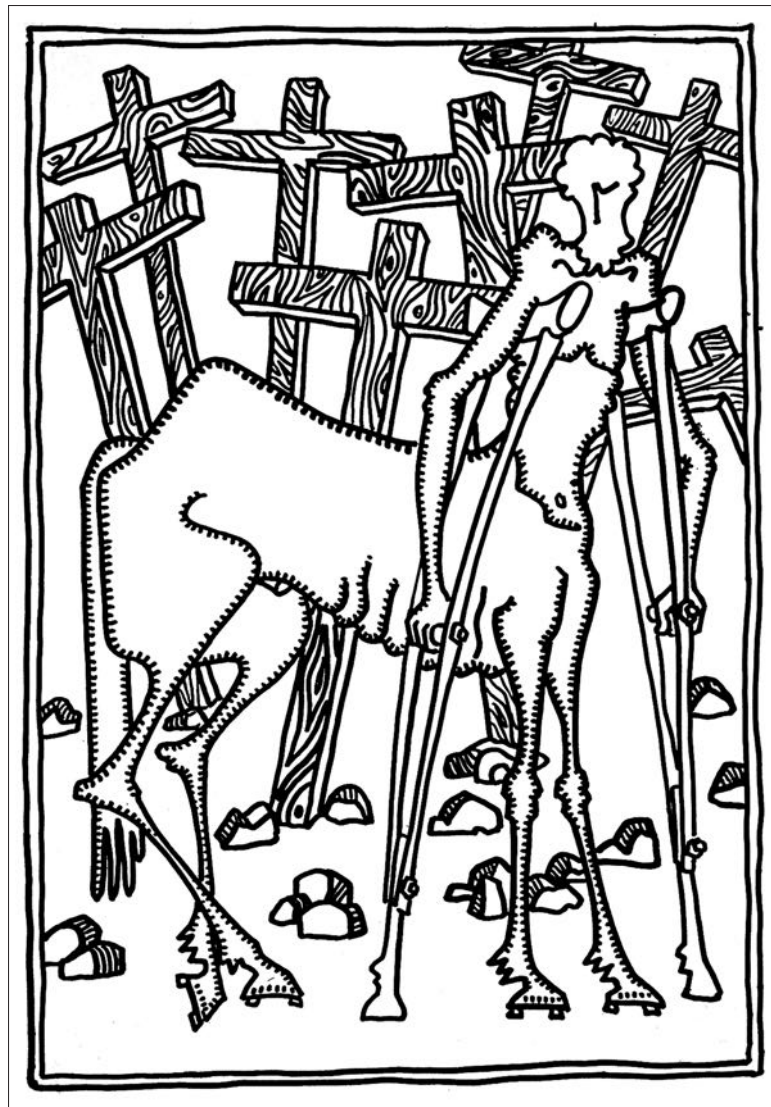

Рисунок из серии «Кентавры».

щественно отличающихся явлений, которые подчиняются совершенно различным принципам».

Боулдинг предлагает поначалу выделить три основных типа сторон в конфликте: отдельная личность, группа и организация. Второй и третий типы отличаются степенью организации. Группа – это «неорганизованная подсовокупность внутри большей совокупности»; организация – «группа с хорошей структурой и ясно определёнными ролями и устройством». Группа и организация состоят из совокупности лиц, действующих коллективно. «Участники конфликта могут принадлежать как к одному и тому же структурному типу, так и к различным типам (например, группа против группы или группа против организации). На основе такой типологии автор подразделяет социальные конфликты следующим образом:

1. Конфликт между отдельными личностями.
2. Пограничные конфликты между пространственно изолированными группами.
3. Экологические конфликты между смешанными в пространстве группами.
4. Конфликт между однородными (гомогенными) организациями, например государство против государства.
5. Конфликт между разнородными (гетерогенными) организациями, например государство против церкви.
6. Конфликт между личностью и группой, например сын против семьи.

7. Конфликт между личностью и организацией.

8. Конфликт между группой и организацией».

«Поставив перед собой задачу сконцентрироваться на работе (или действии) существующих институтов войны, – считает Рапопорт, – мы должны отказаться от эклектической установки на выяснение “причин войны” в пользу точно сформулированных гипотез, например, гипотезы, согласно которой война между великими державами есть не отклонение, а нормальное функционирование военных учреждений».

«Напряжение, – пишет Холсти, – вытекает из противопоставления исторических, экономических, религиозных или этнических усилий и увековечено глубокими общественными отношениями враждебности между двумя или более обществами».

Они не имеют единого определённого источника, поэтому практически неразрешимы в какой-либо предвидимый срок, какие бы усилия со стороны международных институтов ни прилагались к этому. Их разрешение возможно лишь в ходе длительного исторического процесса, который приводит либо к конечному примирению, либо к повторяющимся войнам, в том числе и мировым».

Луард приходит к выводу, что «доминирующим мотивом конфликтного поведения государств и основной причиной войн в системе XVI – XVII веков был религиозный евангелизм: в системе на-

чала XVI – XVII веков – династическая власть, в системе XIX века – национализм: после 1917 г., наряду с национальной враждой, более важным мотивом становится идеологический евангелизм».

– Если ты не устал, Платон, я позволю себе привести ещё ряд высказываний своих современников по проблемам возникновения конфликтов. Как видишь, существуют уже люди, которые не только поставили проблему, но и пытаются дать рекомендации по управлению конфликтом.

Глава эта так и называется «Теоретические представления об управлении конфликтом».

Наберись терпения и послушай.

Норвежский политолог Й. Галтунг определяет управление конфликтом как «умение поддерживать конфликты и их стоимость ниже того уровня, на котором они становятся угрожающими для системы».

«В принципе, – пишет он, – любая форма ведения войны, кроме гоббсовской войны против всех, является регулируемой войной. А любая регулируемая война может рассматриваться как механизм разрешения, поскольку она определяет победителя, предполагает перераспределение ценностей (то, что завоёвано победителем, принадлежит ему, а то, что побеждённый теряет, является наказанием за проигрыш) и приводит хотя бы к временному завершению конфликта посредством капитуляции».

Парнофигурная композиция. Бронза.

«Разрешить конфликт, – пишет Галтунг, – значит: 1) решить, кто является победителем и кто побеждённым, каким будет будущее распределение ценностей; 2) осуществить это распределение ценностей; 3) прийти к заключению о том, что конфликт полностью завершён».

Совершенно очевидно, что такая постановка вопроса не может быть обоснованной с научной точки зрения и приводит к сомнительным практическим выводам и политическим рекомендациям. Доронина: «Причиной научной несостоятельности буржуазной методологии исследования процесса разрешения международных конфликтов является непонимание буржуазными авторами

диалектического противоречия, их нежелание проникать в существо социальных процессов, что и приводит к изучению лишь внешних форм проявления и разрешения противоречий, в данном случае конфликта».

«Мирное сосуществование предполагает отказ от войны как средства решения спорных вопросов между государствами, разрешение их путём переговоров; равноправие, взаимопонимание и доверие между государствами, учёт интересов друг друга; невмешательство во внутренние дела, признание за каждым народом права самостоятельно решать все вопросы своей страны; строгое уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран; развитие экономического и культурного сотрудничества на основе полного равенства и взаимной выгоды».

Р. Барнет пишет: «Применение или угроза применения насилия намного проще всех других методов общения с внешним миром. В век хорошо развитой смертоносной технологии требуется намного меньше времени для того, чтобы убить человека, чем для того, чтобы изменить его мышление или своё собственное. Ненасильственное разрешение политической проблемы требует исключительной терпеливости, понимания и объективности.

А это как раз то, чего недостаёт политическому деятелю в силу самого характера его работы».

– Ну, каково твоё мнение, Платон? Оказывается, есть немало людей, которых интересуют те же

проблемы, что и нас с тобою. Самое удивительное, что они, не сговариваясь, часто приходят к одному мнению и, как ты заметил, не так уж оптимистичны в своих суждениях. Особенно в тех частях, где речь идёт о технологии массового убийства. Людям почему-то свойственно более заниматься проблемой увеличения смертоносности оружия нападения, а не оружия, предназначенного для обороны.

– В моём идеальном государстве стражи призваны нести именно оборонительную функцию и только как крайность – нападающую.

– Насколько я помню, Платон, ни в одном из твоих произведений не поставлен вопрос так: а может быть, война всё-таки не так уж неизбежна и человечество смогло бы обойтись без стражей, так подробно и красочно у тебя изображённых? Тебя не назовёшь пацифистом.

– Ты прав, друг мой, не ставил я так вопроса. Но нам с тобою также известно, что по нынешний день ни у кого ни разу не возникло желания упразднить институт стражей или армии, как вы их теперь называете. Я, к сожалению, должен признать, что пока человечество даже в лучших своих представителях ещё не готово к этому.

Немало прольётся крови, прежде чем удастся обуздать свои низменные инстинкты до такой степени, чтобы освободиться от необходимости организовано и бесстрастно убивать друг друга.

– И всё-таки, при всей убедительности твоих рассуждений, мне не хочется так мрачно смотреть на будущее.

– Это твоё право.

– И не только право. Я думаю, что помимо идеалистического протеста в моём желании видеть более светлое будущее есть ещё и рациональное зерно, существующее помимо моего индивидуального сознания.

– Попробуй, изложи пояснее, что ты хочешь сказать.

– Я хочу сказать, что с судьбой человечества всё не так безнадежно, как мы тут нарисовали. В конце концов даже если ты и прав, то нельзя лишать человечество последней и самой важной для него иллюзии. Ибо любая иллюзия не просто плод никчёмного воображения, а несёт в себе заряд энергии, которая способна на очень многое. Ты-то должен знать об этом, Платон! Даже твои идеалистические модели, несмотря на абсурдность многих из них, и то какое-то время работали.

– Давай, друг мой, не уклоняться в сторону. Ты заговорил о маленькой толике надежды, дающей возможность людям приобрести прочный и вечный мир. Попробуй обосновать это положение. Если оно будет логично и убедительно изложено тобою, может быть, я его приму и смягчу свои мрачные краски, сделав их более светлыми.

Эскиз скульптуры.

– Мы говорили с тобою, Платон, что в человеке изначально присутствуют все компоненты, необходимые для существования вечной угрозы войны.

– Да, говорили.

– В этом отношении, по-видимому, ничего изменить нельзя. Всё живое запрограммировано на конфликт в этом смысле. Я даже предложил теорию существования некоей разности потенциалов, которая также подтверждает неизбежность конфликтов.

– Было и такое.

– Я не поленился привести ряд цитат, а ты терпеливо их выслушал, по поводу интересующей нас проблемы. И все они тоже оказались безрадостными.

– Именно так всё было. Так что же дальше?

– Я хочу сказать, что выход нужно искать в другом месте. Волею властителей можно было бы даже хотя бы односторонне прекратить военный психоз. Но это, как мы выяснили, невозможно, ибо сама власть и люди, оказавшиеся её владельцами, обладают совершенно определёнными свойствами, ориентированными на войну, конфликт, агрессию и т. д. Получается вроде так: ни снизу, ни сверху ждать нам нечего.

И вот после долгих размышлений и бесед с тобою у меня возникла такая идея. Может быть, не очень оригинальная и имеющая маловероятную осуществимость, но всё же. Нужна новая рели-

гия. Не та религия с многобожием, церковью и её устаревшими институтами, а совершенно новая идейная, гражданственная, всеземная религия, которая бы захватила весь мир, проникла бы во все поры общественной и индивидуальной жизни человечества. Слово «религия» я взял напрокат, как временное определение того, чему нет ещё названия. Следовало бы, конечно, подумать и по сложившейся традиции это новое обозначить ёмким словом, взятым из твоего языка. Греческий язык не раз выручал науку своим точным понятийным словарём.

– Ну что ж. В этом что-то есть. Если ты попытаешься более подробно развить свою идею, может быть, я тебе и смогу помочь в выборе этого слова. Как-никак я грек всё-таки.

– Я, наверное, не столь стройно и искусно построю своё изложение, как ты, но попробую. За основу я возьму, если ты позволишь, конечно, твоё идеальное государство!

– Да, да! Пусть это будет нашим общим инструментарием.

– Так вот. Я хочу у тебя взять только идею некоторой условной общности, а остальное всё будет другим.

– Пожалуйста! Я слушаю.

– Единственная оговорка! Речь будет идти о современной общности, населяющей Землю. Ни о какой Ойкумене, ни о варварах и, наконец, ни о каких привилегированных нациях речи быть не

может. Есть земное общежитие, сложившееся довольно определённо к сегодняшнему дню. О нём и будем говорить.

– Согласен.

– Итак, я хочу начать построение моего государства с ревизионизма некоторых установившихся понятий, которые давно устарели и работают на повышение агрессивности в человеке.

Родина и патриотизм. Что это такое? Это не что иное, как атрибуты войны. И если разобраться логически: чем родина моего врага хуже моей Родины? Почему я должен отнимать его родину или он мою у меня? Известно, что человек с детства фиксируется на особенностях той среды, где он родился и вырос. Это для него, как правило, и является синонимом родины. Каждый живущий на Земле имеет неотъемлемое право любить её и жить здесь. Когда же мне с детства начинают вдалбливать, что моя родина самая лучшая, то этим самым предполагается, что родина другого человека гораздо хуже и не будет большой беды, если ты её немного потопчешь. Затем только нужно собрать людей, безумно любящих свою Родину, и убедить их, что есть люди, которые твою родину не любят. Остальное совершится само собою. Копьё, ружьё или кнопка межконтинентальной ракеты, пущенные на врага, – это уже детали. «Родина в опасности!» «За Родину, за ..!» (фамилия может варьировать). «Хорошая страна (такая-то), а такая-то

Рисунок из серии «Кентавры».

лучше всех!» «Как невесту, Родину мы любим, бережём, как ласковую мать!» Таких лозунгов в

каждой стране хоть отбавляй. И никому до сих пор не пришло в голову выбросить всё это как ненужный хлам, как старые, давно отжившие свой век доспехи.

Далее – патриотизм. Вроде как бы и близкое к родине понятие, но имеет свой оттенок. Патриотизм одним своим существованием уже предполагает наличие конфликта. Причём не важно в данном случае, есть ли причина для его возникновения или нет. «Я – патриот своей Родины. И всё тут. Своей, а не чьей-нибудь. И пусть мне только кто-нибудь что-либо скажет плохое про мою Родину или про меня лично, я покажу, что значит патриотизм!»

На твоих глазах, Платон (да и на моих тоже), Африка, казавшаяся некогда монолитом, вдруг раскололась вдребезги на тысячу мелких осколков. И каждый осколок вопит истошным образом: «Мы патриоты!» «Апартеид!» «Геноцид!» и т.д. А всё это им подсунули развитые страны, которые давно уже сами обожрались этой жвачкой. Хотя разум человеческий уже созрел настолько, чтобы понять, а главное – усвоить одну простую истину: родина у нас одна и называется она – Земля!

И никаких других родин! Никакого патриотизма! – Так что ты предлагаешь? Как ты думаешь убедить людей в этом?

– Я уже говорил о религии или о том, чему мы ещё не придумали названия. Так вот она должна

взять на себя кропотливый труд: с помощью лучших представителей человечества разъяснять эту истину, убеждать, воспитывать. Так же, как в своё время работала ваша греческая религия и мифология, так же, как проповедовала и учила Библия; так же, как потрудились христианство и целый ряд других религий. Это должно быть одним из основных догматов нового учения.

– И ты считаешь это достаточным для того, чтобы прекратились войны и на Земле установился навечно прочный мир?

– Нет, нет! Не спеши, Платон. Это только незначительная часть программы, необходимой для идеализации общества.

Следующим догматом моей религии будет упразднение всех идеологических институтов. И вот почему. Идеология – это своеобразная железа внутренней секреции государства, которая ведает ростом политического сознания, воспитанием молодёжи и выбраковкой инакомыслящих. Этот институт нужен только для тоталитарного государства, для укрепления власти в государстве.

В моём обществе всё это не нужно. Роль воспитателя подрастающего поколения возьмёт на себя новая религия с соответствующим статусом моральных и этических правил общежития.

Ты посмотри, Платон, что сейчас происходит. В каждой развитой стране ежегодно тратятся сотни тысяч тонн бумаги только на то, чтобы через неё довести до сознания миллионов идею о не-

обходимости ненавидеть друг друга. В значительной части этой идеологической макулатуры с леденящим душу спокойствием описываются рецепты, способы и рекомендации, как лучше убивать друг друга и правильнее ненавидеть друг друга. А сколько лжи, откровенной фальсификации, преднамеренной дезориентации в этом громадном ворохе бумаги!

Идеализм – материализм, народный – антинародный, капитализм – социализм, буржуазный – демократический – все эти атрибуты конфликта ежесекундно изрыгаются ротаторами печатных машин всего мира в невероятном количестве. Люди давно уже забыли, с чего, собственно, начался спор, и не подозревают, что проблема первоородности яйца и курицы давно утратила свой актуальный смысл.

Спор превратился в инерцию, в фикцию.

Я представляю, как удивилось бы человечество, если бы однажды этот институт замолчал во всём мире. В наступившей тишине все бы вдруг обнаружили, что ничего не происходит. Каждый по-прежнему занимался бы тем же, чем и занимался, и только на душе у всех стало бы спокойнее и светлее. Каждый бы более отчётливо стал слышать своих соседей по дому, по городу, по стране. Люди услышали бы голоса истинных страдальцев, мудрецов, стоны больных, острее бы восприняли дыхание Земли, загадочный шум Космоса, более точно разложили бы эмоцио-

Николай Силис со своей скульптурой «Дон Кихот».

нальный спектр собственной психики и очень быстро научились бы управлять им.

– Очень красиво нарисовал ты эту картинку. Хвалю, юноша. Но позволь спросить у тебя: не тот ли это идеализм, в котором, не уставая, упрекают меня вот уже две тысячи лет подряд? Что реально можешь предложить ты для того, чтобы хоть в минимальном объёме осуществить свою идею?

– Платон! Во-первых, твой вопрос не очень корректен. Когда ты сочинял своё государство, ты был очень далёк от немедленного претворения своего проекта в жизнь.

Во-вторых, как ни мрачна ситуация, всё-таки на Земле среди нас, живущих ныне, есть силы, способные, помимо своих правительств, влиять на ход событий и как-то подправлять не очень уверенную поступь так называемого прогресса.

Существует некая консолидация мыслящих, антиконфликтных людей, которая медленно, незаметно, без революций, без войн и даже без конфликтов делает своё доброе дело.

Эти люди не объединены в сколько-нибудь структурные группы.

У них нет чётко согласованной программы, нет своего лидера, нет определённого органа печати. Их сила в том, что они знают: они есть и их много. Это помогает им выживать и тем самым улучшать общество. Люди эти – своего рода художники, созидатели, мыслители.

Именно этим людям мы обязаны тем, что извиняемся, если случайно наступим кому-то на ногу. Они не забывают закрывать за собою дверь, жертвуют своим досугом, здоровьем, а порой и жизнью. Консолидация этих людей заключается в том, что, несмотря на оголтелый бум идеологической надстройки, они находят способ заявить о существовании общечеловеческих моральных и этических правил, нарушение которых, по их мнению, равно преступлению. Соблюдение этих правил иногда оказывается важнее, чем нарушение целого свода писанных законов.

Консолидация заключается и в том, что даже разбросанные по всему миру они рано или поздно (до смерти или после смерти) находят друг друга. И тогда эффект их деятельности удваивается, утраивается и начинает звучать как набат – сигнал тревоги.

Среди них много учёных, писателей, художников и просто честных и добрых людей.

По-моему, Платон, это та сила, подобная ядерной, скрытой в любом веществе, которая незаметно, без видимой аффектации смогла бы противостоять идиотизму, кретинизму, назови как хочешь, существующему в современном мире.

– Судя по патетической концовке, ты закончил свою мысль; по поводу сказанного тобою у меня есть кое-какие возражения или, скорее, замечания. Но я не хочу перебивать и выскажу потом

всё разом, когда ты закончишь построение своего государства.

У тебя есть что ещё прибавить, или ты считаешь свою модель законченной?

– Нет, Платон. Я могу ещё кое-что сказать. На этот раз совсем в другом аспекте.

– Слушаю тебя.

– Для начала я хочу задать тебе один вопрос, чтобы в дальнейшем у нас не было расхождений по остальным.

– Пожалуйста.

– Как ты считаешь, что самое главное в человеке?

– Вопрос поставлен, друг мой, слишком обще и вряд ли на него однозначно можно ответить. А если бы я и попытался такое сделать, это заняло бы очень много времени, и мы потеряли бы основную нить наших рассуждений.

– Хитришь, Платон! В первой беседе, если помнишь, ты мне задал аналогичный вопрос: «Что является самым ценным для человека?»

– Ну ладно! Попробую более конкретно. Что в человеке самое ценное для общества?

– Это уже лучше. По-моему, человек ценен в обществе тогда, когда он что-то привносит в общество, а не наоборот.

– А как мы назовём то, что он привносит в общество?

– Ну, наверное, это будет и труд, и продукт труда. Иначе что же?

Николай Силис в мастерской.

– Значит, если я скажу, что главным в человеке для общества будет его деятельность, я скажу правильно?

– По-моему, ты не погресишь против истины, сказав это.

– К чему я завёл этот разговор, Платон? О человеке сейчас известно очень много. Он разобран по клеточкам и даже выяснена функция каждой из них. Он исследован в историческом аспекте; подводятся итоги поисков нашего непосредственного предка; уточнены его предельные воз-

возможности для пребывания в космосе; известно о человеке и многое, многое другое. Разгадан даже генетический код человека.

Неизвестным осталось одно: что нужно человеку, чтобы он представлял наибольшую ценность для общества? То есть каковы законы КПД деятельности человека в обществе?

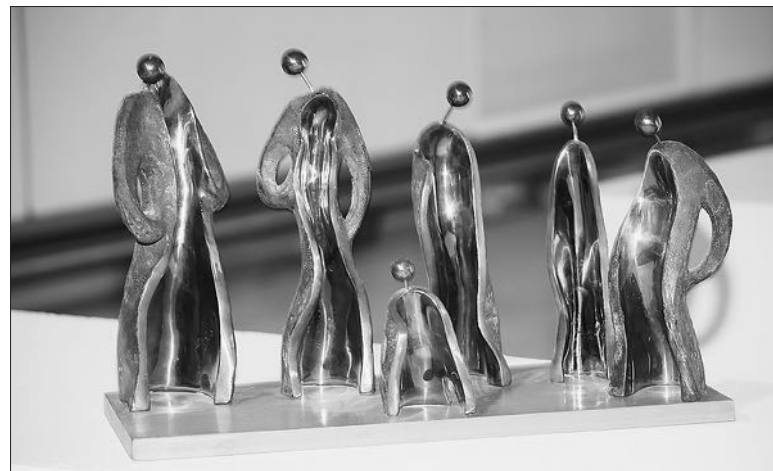
Маркс, пожалуй, исчерпывающе исследовал экономический механизм ручного труда индивида и производства в целом. Подверг глубокому анализу экономические взаимоотношения между индивидами, между производствами, открыл много немаловажных законов рынка, денежного обращения и накопления.

Об этом я говорить не буду. Меня в данном случае интересует расточительность государства, неспособность его наилучшим образом использовать энергию, заложенную как в отдельном человеке, так и в целых общностях.

Всю деятельность человека в обществе я бы свёл к двум противоположным категориям: труд, направленный на созидание, и труд, направленный на разрушение.

Суммарное соотношение личностей, занимающихся тем и другим видом деятельности, и характеризует потенциальную зрелость общества.

Пока ни одно из существующих ныне государственных устройств не решило сколько-нибудь оптимально эту проблему.

Скульптурная композиция.

В одних случаях – громадный контингент занятых работой людей, в других – полная занятость при минимальной производительности. И в том и в другом случаях колоссальная армия (в буквальном смысле) людей, не только ничего не производящих, но и пожирающих основной доход общностей. Именно их деятельность ориентирована на разрушение.

Если представить себе два абстрактных человека, один из которых непрерывно лепит горшки, а другой тут же молотком беспрерывно их разбивает, то всякому нормальному человеку они покажутся сумасшедшими, место которых в соответствующем лечебном учреждении.

В действительности же мы не только не классифицируем это как сумасшествие или патоло-

Раздевающаяся. Рельеф.

Николай Силис за работой.

гию, а, наоборот, всячески поощряем подобное явление.

Вот ещё один парадокс человеческого бытия.

Но вернёмся к созидательной деятельности. Здесь опять мы наблюдаем две крайности. В одном случае труд – средство личного обогащения, в другом – нищенская оплата труда из-за относительно равного распределения его между членами общества.

И в том и в другом случае неиспользование колоссального резерва. Кому от этого лучше? Никому. Даже власть имущим. Ибо такая неустроенность очень нестабильна и всё время требует принятия каких-то мер.

В мире, где продукт труда давно отчуждён от производителя, нужна новая психологическая концепция всего комплекса экономических взаимоотношений.

В твоё время, Платон, таких проблем не существовало. Раб у вас был и производителем, и производством. Оплата заключалась в самом сохранении существования раба, в его желании жить и в твоём праве отобрать эту жизнь.

По существу же наниматель производителя должен платить производителю. И не столько, сколько ему заблагорассудится, а в соответствии с нормами, выработанными обществом.

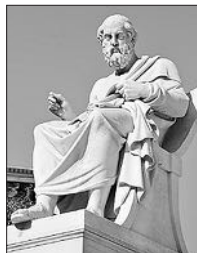
– Похоже, друг мой, ты решил мне прочесть весь курс политической экономии. Извини меня за реплику, но мне кажется это излишним. Мне хо-

телось бы услышать от тебя не столько констатацию фактов, сколько конструктивные предложения, направленные на радикальное изменение существующего положения. Позитивную программу, что ли. Согласен со мною?

– Согласен, Платон. Но дело в том, что тут-то у меня и обнаруживается слабое место. Построить государство, пусть даже идеальное, не решив как следует проблему труда и распределения благ, то есть не разрешив глобальные экономические вопросы, по-видимому, невозможно. А у меня нет пока ясности по этой проблеме.

Давай, Платон, прервём на этом нашу беседу. Я подумаю, полистаю литературу, а ты в свою очередь прикинь, как помочь мне закончить начатое строительство государства. Может быть, что-нибудь путное и соорудим. До свидания, дорогой мэтр!

Беседа десятая

– В твоих речах очень часто употребляются такие понятия, как «свобода», «справедливость», «мир» и так далее. А ведь разногласия людей, даже единомышленников, начинаются с того, что каждый вкладывает в эти понятия свой смысл, пусть даже незначительно, но чем-то отличающийся от понятия другого. Это «что-то» почти нельзя уловить на фоне глобальных проблем, а малейшее смещение оказывается очень существенным. Почему-то людям кажется, что смысл, заложенный в этих понятиях, ну скажем, «свобода» ясен изначально. А ведь это неверно. Понятия свободы, а тем более справедливости, существовавшие в твоё время, Платон, существенно отличаются от существующих в настоящее время. Каждая ситуация требует строгого уточнения термина. Вот тут и начинают возникать всякие недоразумения. Одни говорят, что свобода – это осознанная необходимость, другие – это автономизация поступков личности, третьи объясняют свободу стремлением

достигнуть цели любыми доступными средствами и так далее. Все эти определения не так уж абсурдны, но вместе с тем и не свободны от погрешностей в своём абсолюте.

Давай договоримся: о какой свободе пойдет речь. Сузим и конкретизируем рамки этой очень важной для наших рассуждений категории.

– Вполне согласен с тобою. Хочу даже добавить: при определении этой категории не увлекайся критериями, близкими только твоему времени. Давай взглянем на свободу с точки зрения будущего, как бы условно, выбрав себе точку отсчёта. Например предположим, что все войны, которые сейчас потрясают мир, – глубокий анахронизм; грызня вокруг собственности – атавизм; престижность идеологической возни – вообще курьёз прошлого и так далее. Ты увидишь, как категория, о которой ты хочешь говорить, представится в более чистой форме. Продолжай, друг мой.

– Попробую и приму к сведению. Мне кажется, что свободу нельзя рассматривать изолированно от всего сущего, то есть как категорию, имеющую отношение только к человеку и к обществу. Несвобода, по-моему, начинается уже на уровне неживого. Впрочем, чёткого разделения живого – неживого до сих пор ещё нет в науке.

Я пока говорю о неживом в рамках общепринятых определений в современном мире.

Начнём с атома...

В поездке по Греции.

Николай Силис.

– Постой, друг мой! Прости за остановку. Мне кажется, начав с атома, мы не скоро придём к конечной цели, обозначенной в самом начале нашей беседы на эту тему. В моё время атом обозначал первооснову всего сущего, поэтому и назвали его неделимым. Мы не знали тогда о сложности его строения, но это незнание не явилось препятствием для попыток достижения истин, многие из которых и сейчас даже являются фундаментальными. Атом человечеству удалось расколоть лишь совсем недавно, и было бы несправедливым упущением не отметить, что все древнегреческие философские школы внесли свою лепту в освоение человеком мироздания. Несмотря на всё многообразие и противоречивость их взглядов, все они в целом ухватили первичную сущность космоса. Дальнейшее было только углублением и конкретизацией уже достигнутого.

Я хочу призвать тебя к тому, чтобы ты, не углубляясь в микро- и макропроблемы, доступные сравнительно малому количеству узких специалистов, попытался определить нашу проблему предельно ясно и убедительно.

– Боюсь, что на современном уровне одними логическими приёмами не удастся достигнуть успеха. Но вернёмся к свободе. Сколько живёт человечество, столько же существует и неразрешимая проблема свободы, братства, справедливости и т.д.

По-видимому, есть нечто глобальное, общепри-
сущее, что делает эту проблему вечно актуаль-
ной и неразрешимой. Только поэтому я хочу
обратиться к изначальности и попытаться ис-
следовать несвободу на неживом уровне. Тогда
можно будет задать другой вопрос: есть ли воз-
можность экстраполировать законы взаимосвя-
зей атомарного уровня на наш житейский соци-
альный уровень?

– Попробуй, хотя я и не уверен в успехе этого
метода.

– Всё в мире устроено таким образом, что одно
обязательно подчиняется другому. Во всяком
случае, идёт непрерывная борьба за право под-
чинения одного другому.

На человеческом языке это определяется словом:
взаимодействие. Всякое взаимодействие име-
ет довольно ограниченное количество степеней
свободы. Это или, как я уже сказал, подчинение
одного другому, или взаимотталкивание, или в
более редком случае равнодействие, когда два
объекта или явления находятся в относитель-
ном равновесии. Не вдаваясь, как ты посовето-
вал, в подробности микро- и макроструктуры
окружающего нас мира, хочу начать обсуждение
именно этого среднего состояния относительной
стабильности. Основу её определяет равновели-
кость составляющих. Только при этом возможны
какие-то устойчивые состояния. Далее, полезно
было бы определить и само понятие устойчи-

вости. Очевидно, что определяющим здесь является время. Диапазон временных интервалов между событиями практически бесконечен и простирается от вечности до ничтожнейших долей времени, недоступных измерению. При нуле стабильности практически не существует. Да и ничего не существует.

Поэтому, стабильность относительна и может быть причислена к явлениям малой вероятности. Чем сложнее система, тем меньше шансов её устойчивости. Впрочем, в микромире существует некоторый класс устойчивых объектов, которые могут существовать довольно долго. Но так как понятие «довольно долго» при относительности времени очень неопределённо, то большого смысла говорить о такой стабильности нет.

Гораздо интереснее и актуальнее поговорить о других видах взаимодействия.

Взаимоисключение – очень распространённый класс взаимодействий, пронизывающий всё сущее от макромира до микромира. На сегодняшний день мы с определённостью можем только сказать, что они существуют, и немного знаем, как они взаимодействуют (кулоновское отталкивание, антагонизм, антиподность, аннигиляция и т.д.), но на вопрос: почему это происходит, что за механизм скрыт за этим – мы ответить не можем. – Извини, я опять вынужден тебя прервать! Всё-таки залез ты в такие дебри, что выбраться от-

Эскиз к рельефу.

туда ни для меня, ни для несведущих в этом вопросе, ни даже для тебя невозможно. Длинный и тяжёлый путь выбрал для своих доказательств. – Вынужден согласиться с тобою, Платон. Это мерзкое свойство моего характера – выбирать самый невыгодный путь к достижению истины. – Если быть более кратким, вот что я хочу сказать. Противопоставление сущностей начинается уже на субатомном уровне. И если проследить тщательно и корректно всё многообразие противопоставлений по всей иерархической лестнице, начиная от микроструктур и кончая макроструктурами, то с определённостью можно сказать, что «несвобода буквально пронизывает все извест-

ные человеку структуры». Человек по своей организации (на любых уровнях) занимает, скорее всего, среднее положение, и всё сказанное выше о несвободе, разумеется, относится и к нему. Может ли он рассуждать о свободе в том аспекте, о котором я говорил в самом начале нашей беседы на эту тему? Думаю, что нет. Человек несвободен изначально. Несвободен уже одним своим существованием. Несвобода – это необходимость. Вопрос осознанности этой необходимости – спорный и требует дополнительного уточнения. Теперь вернемся на землю и поговорим о свободе земной. Ты не возражаешь?

- Нет, нет, я с вниманием тебя выслушаю.
- Понятия свободы как категории не существует. Она придумана как временное определение для обозначения взаимоотношений людей между собой, с обществом и с природой. Никто и ничто не может быть свободным. Человек, родившись, уже не свободен от самого себя. Его биологическая сущность при ещё не проснувшемся сознании сразу же оказывается в предопределённой системе противоречий. Удовлетворение своих насущных потребностей никогда полностью не осуществляется. Рождаясь, человек вместе с правом жить приобретает и несвободу.
- Вместо пространных, довольно эмоциональных твоих высказываний я хотел бы услышать от тебя более общее и более чёткое определение понятия «свобода».

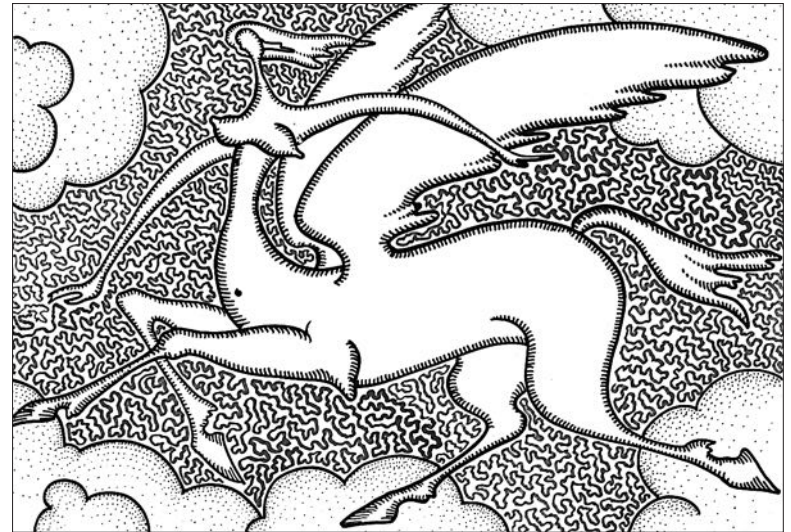

Рисунок из серии «Кентавры».

- По-моему, это предельно укороченный интервал между импульсом и реакцией. Всякое удлинение его работает как стрессовый механизм, увеличивает психологический дискомфорт человека. Поэтому не стоит особенно удивляться распространению целого ряда болезней, связанных со стрессом. Следует изумляться другому: какой запас прочности должен быть в человеке, чтобы противостоять постоянному социальному воздействию, направленному в основном на подавление свобод всех функциональных механизмов в теле человека.
- Позволь мне опять вмешаться в твои рассуждения. Мы беседуем, и поэтому не будет, надеюсь,

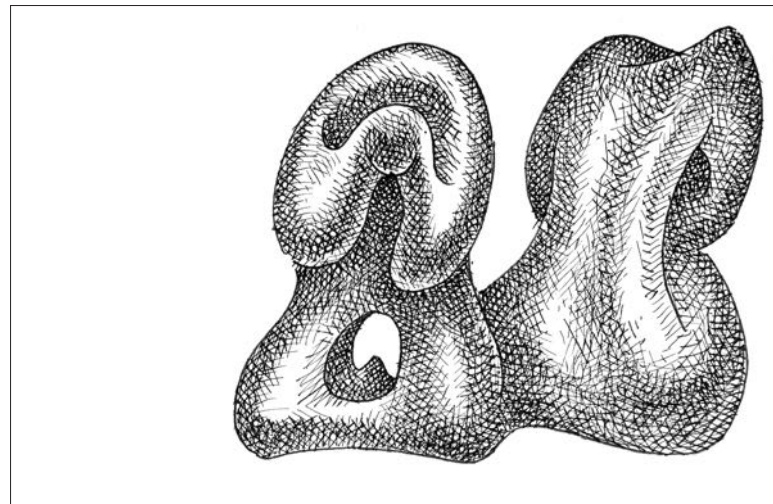
большим насилием с моей стороны иногда по ходу беседы вставлять свои замечания. В твоих примерах, рассуждениях, в постановке вопросов есть много интересного и правильного, на мой взгляд. Но нет, к сожалению, доказательств. Многие положения твои остаются неаргументированными. Не находишь ли ты это, друг мой?

– Я значительно моложе тебя, Платон, и поэтому не обладаю таким искусством аргументировать свои положения, как умеешь это делать ты. Вследствие этих же причин мне легче просто утверждать то, что интуитивно подсказывает мне моя логика. При этом мне достаточно быть уверенным в своей честности, а аргументированность утверждений относится скорее к процедурной части изложения мыслей. Аргументация – довольно тяжёлый и малоблагодарный труд и нужна она для тех, кто предвзято со мною не согласен.

И для тех, кто, несмотря даже на очевидность утверждения, будет с пеной у рта отстаивать противоположную точку зрения из чистого вопрекизма.

Мне несимпатичны такие люди, и если уж им так хочется спорить, то пусть сами на основании моего утверждения строят сложный каркас аргументов и контраргументов.

Насколько я помню, ты тоже особенно не утруждал себя глубокой аргументацией. Тем не менее это не помешало тебе обзавестись громадным числом «платоников» и «антиплатоников»,

Эскиз скульптурной композиции.

которые и до сих пор не прекращают свою полемическую возню.

– Может быть, ты и прав, друг мой, и я от тебя не собираюсь требовать подробнейших доказательств твоих утверждений, но ты, наверное, знаешь, что произошло с открытием закона о свободном падении тела.

Как тебе известно, ещё мой современник Аристотель утверждал, что тела тем быстрее падают на землю, чем они тяжелее. Триста лет люди довольствовались этим утверждением, и никому в голову не приходило проверить это на опыте. И только в I веке нашей эры Тит Лукреций Кар предложил совершенно другое утверждение. Послушай, как красиво он это сказал:

*Ибо всё то, что в воде или воздухе падает
редко,
Падать быстрее должно в соответствии
с собственным весом
Лишь потому, что вода или воздуха тонкая
сущность
Не в состоянии вещам одинаковых ставить
препятствий,
Но уступают скорей имеющим большую
тяжесть,
Наоборот, никогда никакую нигде
неспособна
Вещь задержать пустота и явиться
какой-то опорой,
В силу природы своей постоянно всему
уступая.
Должно поэтому всё, проносясь в пустоте
без препятствий,
Равную скорость иметь, несмотря
на различие в весе.*

Казалось бы, убедительно. Проверь и живи с новым законом. Но этого не произошло потому, что никаких доказательств кроме умозрительного, хотя и гениального утверждения, приведено не было.

Прошло ещё пятьсот лет, прежде чем великий Галилей не просто вновь высказал это утверждение, но и убедительно доказал правильность своего утверждения. Что лучше, по-моему, и не

требует дополнительных обсуждений. Ты сам знаешь, друг мой.

– Согласен с тобою и всё-таки отстаиваю за собой право не влезать глубоко в аргументацию и длинные доказательства. Заметь, Платон, я оперирую в основном довольно очевидными вещами, в значительной степени уже доказанными моими предшественниками.

В мою задачу входит сопоставление этих очевидностей таким образом, чтобы они стали ещё понятнее и доступнее для людей. Я занимаюсь тривиальными категориями. Смешно, например, доказывать, что война – это плохо. Все и так прекрасно осознают эту истину. Тем не менее наше цивилизованное человечество постоянно находится на грани войны, все коммуникативные каналы на пятьдесят и более процентов своего вещания нагнетают военную истерию.

Или, скажем, все терпеть не могут проявления безграничной власти, и всё-таки значительная часть людей неудержимо рвётся к ней, а добравшиеся до вершины бесславно низвергаются более сильными. Поэтому позволь мне рассуждать так, как я предложил в начале этого диалога.

– Продолжай, я тебя слушаю.

– Мне очень нравится термин «рептильность». Я думаю, Платон, он тебе тоже придётся по душе. Это понятие мало чем отличается от понятия «лошадности», высказанного твоим противником Антисфеном.

Лошадность, рептильность где-то очень близки. Именно эти понятия или термины позволяют переводить человеческое мышление на более высокий уровень суждений. Человек рептилен.

Я это утверждаю не ради красивого термина, а ради глубокого смысла, скрытого в этом термине. Никакой другой так ясно не иллюстрирует понятие несвободы. Свобода и несвобода здесь смыкаются в одну неразрывную схему. Рептильность – это свобода и несвобода одновременно. Свобода потому, что всё рептильное действует, исходя из понятия неосознанной необходимости. «Я поступаю так потому, что не могу поступить иначе», – так говорит рептилия. Человек же может сказать: «А я могу поступить и совсем наоборот, хотя мне этот поступок будет стоить жизни». В этом его несвобода. Он сам себе её навязывает. Противоречия, возникающие при этом, объявляются нормальным диалектическим принципом.

Рептильность всегда оказывается устойчивее рационально принятой структуры.

И ещё кое-что добавлю к рассуждению о свободе, хотя и рискую перегрузить и без того громоздкое определение свободы.

Свобода включает в себя обязательно эгоизм, насилие, несправедливость. Всем быть свободными нельзя. Формула: свобода – это осознанная необходимость – красива, но бессмысленна. Как только человек осознаёт необходимость, он пе-

Николай Силис со своей скульптурой.

рестаёт быть свободным. В этом его проклятие, подаренное ему природой, и висящее, как дамоклов меч, над его социальной сущностью.

Свободы как таковой в чистом виде не существует. Она может быть как аллегорическое, условное понятие, как антитеза насилия.

Стремление к свободе – это попытка уменьшить насилие, ограничить его и привести в некоторое стабильное состояние.

Из-за неопределённости понятия свободы в обществе происходят дикие несуразности, достигающие до массового кровопролития. Людям не полезно думать о себе лучше, чем они есть на самом деле. Именно это обстоятельство заставляет их данное понятие неправомерно трактовать как свобода.

О религии

Добро и зло как самостоятельные категории не существуют. Это изобретение человека далеко от совершенства. Какое-то время оно работало, но, как и всякое изобретение, устарело.

Средства для точного определения добра и зла так и не определены. Десять заповедей, на которых держится христианство, как бы являются основой существующего морального кодекса, но он не работает как закон, обязательный для нарушителей этих принципов.

Целому классу землян эти евангельские запреты просто мешают жить. И, чтобы не утруждать свою совесть, мы – земляне – придумали для себя чудовищные с точки зрения нравственности оправдания. Так, нами были придуманы понятия «справедливых» и «несправедливых» войн; была объявлена война институтам, проповедующим миролюбие и непротivление, а религия вообще была объявлена вне закона. Даже появилась парадоксальная сентенция: ре-

лигия – опиум для народа. Какой опиум? Для какого народа? Если принять последнее как реальность, то опиум следует отнести к лекарственным препаратам. Но сочинители этого абсурда не потрудились вникнуть в алогизм этого словосочетания.

Понятия же «добра» и «зла» так и остались за пределами осмысления как науки, так и религии.

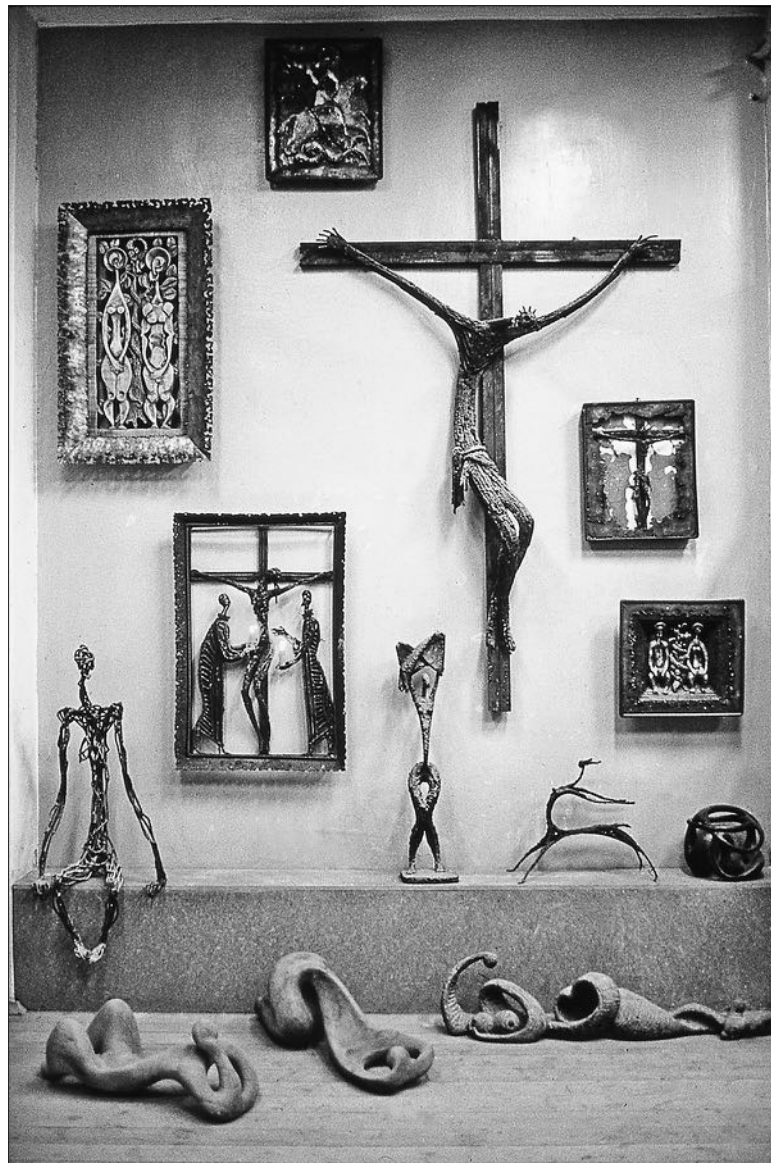
Почему Религия и Философия так отчуждённо относятся друг к другу? Да потому только, что они ставят перед разумом человека одни и те же вопросы. Что есть жизнь? Откуда она произошла? Как объяснить непонятные, реально существующие явления? Что есть истина? И так далее. Каждая дисциплина на эти вопросы отвечает по-своему, придерживаясь антитезности в суждениях. Но обе дисциплины ведут к поиску Истины. «Кириллов день ещё не кончился», и рано говорить, кто больше преуспел в этом роде деятельности.

Не стоит, во всяком случае, ставить под сомнение искренность побуждений; имеются в виду, конечно, истинные приверженцы научного поиска: Эразм Роттердамский, Николай Кузанский (Николай Кребс) и многие другие.

Каждая дисциплина представляла собою оппонента, без которого развитие было бы невысказано. Так что же плохого в том, что наряду с Философией существовала и Религия?

Общество, как и всякая динамическая замкнутая структура, испытывает постоянное воздействие двух противоборствующих сил. Одна толкает его к хаосу, к энтропии, другая, наоборот, всеми силами пытается сохранить структурность и ограничить воздействие хаотических устремлений. В исторически обозримый период можно даже обнаружить пульсирующую цикличность доминирования той или иной ипостаси общества. Структурность всегда сильнее хаоса, но для её достижения необходима дополнительная энергия. Откуда её берёт общество для того, чтобы создать свою социальную структуру? Это вопрос, ответ на который пока не найден. Да он, пожалуй, ещё и не задавался никем в такой форме.

Вера в Бога – это не опиум для народа и не средство для одурманивания общественного сознания, как учит ленинизм. Вера в Бога – это богатейший культурный слой в истории развития громаднейшей общности. С уничтожением религии на территории России была уничтожена морально-этическая основа человеческих взаимоотношений. Сам акт крещения на Руси говорит о том, что начиная с X века славяне и многие примыкающие к ним племена вступили в новую эру развития. Как духовного, так и политического.

В мастерской.

Причём в этом акте важен сам факт принятия веры, а не те догматы, которые ей сопутствовали. Умиляясь великому тысячелетнему юбилею крещения, мы почему-то не спешим разобраться в обстановке, предшествовавшей этому событию. А ведь ситуация весьма забавна и поучительна.

Владимиру всё равно было, какую принять веру. Лишь бы она «работала», как мы говорим сегодня. Старая вера, языческая, пришла в упадок. Да и не была она совершенной и определённой, по сравнению с религиями других, более развитых народов. Выбирать нужно было из трёх религий: христианской, иудейской и мусульманской. Владимир предпочёл первую. Этому выбору способствовала сложившаяся обстановка тесных торговых, политических и прочих взаимоотношений между Византией, главным носителем христианской веры, и ещё не сложившейся в монолит Киевской Русью. Любопытно, что хазары, которым за их набеги пытался отомстить ещё «вещий Олег», приняли иудаизм. В периоды перемирий и тёплых взаимоотношений иудаизм вполне мог бы перекочевать вместе с хазарскими племенами и в славянские головы. И это также было бы положительным явлением.

Язычество в русском православии оставило свой след, но доминирующая партия всё-таки принадлежит христианству, которое, так или иначе, берёт корни из того же иудаизма.

Оплакивание Христа.

Тем непонятнее и нелепее кажутся сейчас, когда прошло больше 2015 лет с момента зарождения христианской религии, все сионистские и антисемитские конфликты, возникающие на фоне всеобщего неблагополучия.

Казалось бы, находясь под угрозой самоуничтожения, мы должны объединиться хотя бы временно (а лучше навсегда), забыть исторически неконтролируемые конфликты, заняться благоустройством нашего общежития, а вместо этого мы скрупулёзно высчитываем, где, когда, насколько было больше евреев, русских, мусульман и других. Не глупо ли?

В чём сила религии? Почему такое абсурдное явление, с точки зрения современного знания, не исчезает? И не только не исчезает, но и приобретает иногда новое дыхание?

Всё дело в том, что религия, находясь в ряду многих других интеллектуальных институтов, обладает своими специфическими качествами. Это единственная форма мышления, которая сохранила мягкость потребления догматов, принятых человечеством на сегодняшний день. Включая и чисто научные догматы. Люди ещё не готовы к принятию идеи конечности, а другими словами – к эсхатологической идее бытия. Им необходим какой-то промежуточный этап освоения и осознания мира. Религия – единственный институт, который предоставляет такую возможность.

Параскева Пятница (Экзекуция). Металл, сварка.

Царство божие внутри нас и вера тоже. Атрибутика может быть разная, а может и не быть её вообще. Вера в то или иное присутствует в каждом. Вера в «чёрта» – тоже вера. Отрицание веры – опять же вера. Противопоставляя одну веру другой, люди разобщаются, теряют друг друга, разрушают тот хрупкий культурный слой, который с таким трудом удалось создать за всю историю человеческой цивилизации.

Вера в Бога – это только часть общечеловеческой культуры, но очень важная часть. Вера в Бога объединяет умного и глупого, доброго и злого, здорового и больного, мужчину и женщину, взрослого и ребёнка. К вере, какой бы она ни была, нужно относиться уважительно. Во всех вероисповеданиях, религиозных конфессиях гораздо больше общего, нежели различий. И коль наш разум ещё несовершенен и неспособен вместить все религии одновременно, нужно каждому иметь веру в своего единственного Бога, допуская при этом существование такой же веры у другого.

Возникновение понятия «Бог» могло произойти только на ранней стадии развития человека. Тогда, когда первый человек ещё не утратил детскую способность всему удивляться. Изобретение Бога на тысячелетия удовлетворило тягу к познанию у человечества, и это не слу-

Без названия. Монотипия.

чайно. Другого выхода у Разума не было. Бог, как первопричина всего, был необходим. Не нужно охаивать и клясть религию за её заблуждения. Она сделала своё доброе дело. Теперь мы можем отправить её на почётную пенсию.

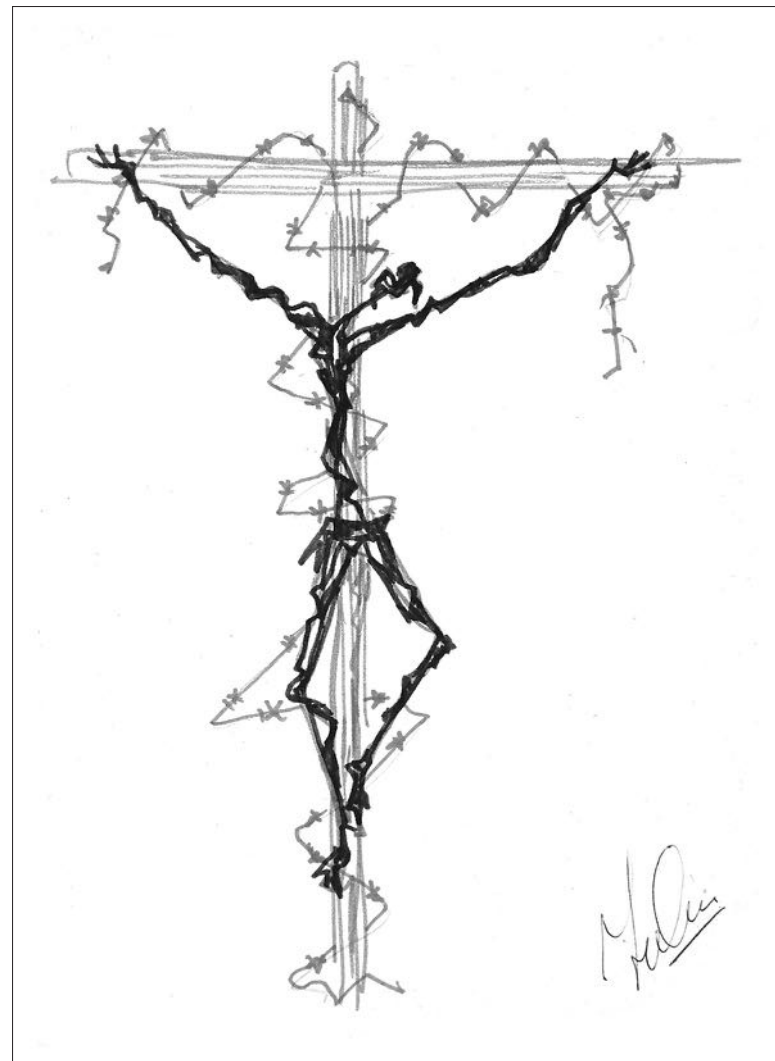
Бог – символ незнания. Бог – это временный поверенный в делах земных, назначенный самими же людьми.

Сначала он авторитетно дал возможность людям осмотреться в окружающем их мире и кое-как организовать своё общежитие. Затем он зажёт искру сомнения в разуме избранных и их устами провозгласил необязательность своего существования. Бог исчез. Но потребность в вере осталась. Мир по-прежнему остаётся непознанным, общежитие – несовершенным. Наступило время создать нового Бога, новую веру.

Религию запретить нельзя. Запрещение только стимулирует распространение веры. Именно таким образом утвердилось христианство.

Религию не нужно низвергать. Её необходимо изучать, и тогда ей ничего не останется, как самой исчезнуть.

Познание сущего, открытие и утверждение фундаментальных законов неумолимо сужает сферу обитания богов, и если они ещё до сих пор су-

Распятие, рисунок.

ществуют, то в этом есть своя закономерная необходимость.

Религия – это набор догматов с развитой системой психологического воздействия. Пока она обладает эффективностью, её следует использовать в целях морально-этического совершенствования человека.

Современный образованный человек слишком много знает о природе, чтобы искренне верить в Бога.

Непредсказуемость явлений всегда угнетала человека. Поэтому предсказания, гадания, тотемы и божества возникли по чисто психологическим причинам.

Таким образом как бы устранялась безысходность грядущего или судьбы. Неизбежное несовпадение между предсказанием и реальностью перекрывалось теми редкими случаями, когда в силу статистической вероятности предсказанное сбывалось. Эмоциональная гипертрофия, вызванная немногими совпадениями, делала рентабельным этот вид человеческой деятельности, то есть веру в Бога и всю индустрию, связанную с ним.

Нельзя сводить веру в Бога, как к чему-то ненужному или как к вредному заблуждению. Религия

Оплакивание. Рельеф.

– это колыбель человеческого познания, где зародилась, росла и совершенствовалась способность человека к абстрактному мышлению. В самом деле, что может быть более абстрактным, чем понятие БОГ. Эта способность к абстрагированию через религию и привела в конце концов к осмыслению квантовых процессов атома и его структуры. Всё, что произошло с человечеством, закономерно, а следовательно, и необходимо.

Одним из свойств человеческой психологии является спонтанная способность человека гипертрофировать до неузнаваемости реально существующие явления и события. Этим свойством и воспользовалась религия для того, чтобы методом психологического резонанса доводить обыденные факты до уровня чуда, сверхъестественного, божественного.

Как верно то, что дыма без огня не бывает, так трудно предположить, чтобы история об Иисусе Христе родилась из «ничего». Выясняя достоверность существования Христа, многие исследователи впадали в одну банальную ошибку. Желая уличить сочинителей Евангелий в фальсификации фактов, они делали упор на частные несоответствия хронологического, этнографического и географического характера.

В храме.

Для правильного решения вопроса о реальности существования Иисуса Христа нужно найти какой-то совершенно новый, психологический метод исследования. Только тогда, может быть, удастся произвести реконструкцию реального образа Христа. Евангелие стоит скорее всего рассматривать как наивное отображение очень существенного, значительного и реального явления. С этой точки зрения все мелкие несоответствия в событиях не имеют большого значения.

Одна из причин популярности учения Иисуса Христа заключается в удачно выбранном способе изложения мыслей и идей в форме притчей. Трудно себе представить какую-либо другую форму передачи информации, обладающую такой ёмкостью и удобовоспринимаемостью.

В ней даже в самых категорических проявлениях имеется налёт пожелания: «Да убоится жена мужа своего». Притча допускает различение смысла, заключённого в ней, примиряет абсолютно разных людей как по сословию, так и по убеждениям. Поэтому она стала достоянием всех людей, независимо от их культурного уровня. Притча превратилась в поэзию достоверности.

Смысл заповеди Христа о непротивлении заключается в следующем. Легче всего на всякую агрессивность среагировать той же агрессивностью. Это естественно, и этот механизм запрограммирован изначально во всяком живом организме. Гораздо труднее и противоестественнее, подключив разум, подавить в себе эти начала. Именно в этом и заключается истинное проявление человечности – качества, отвоёванного с большим трудом у наших диких, примитивных предков. Вот почему эта заповедь до сих пор остаётся актуальной.

Иисус нашёл ту меру компромисса при создании нового морально-этического учения, которая не задела самолюбия приверженцев старых канон в религии и много лет спустя оказалась приемлемой и созвучной для политических деятелей и крупных владельцев частного капитала. Придав своей деятельности политическую окраску, Иисус сразу бы попал под перекрёстный огонь этих могущественных институтов общества.

Людям очень трудно решиться на признание превосходства кого-либо другого над собой, поэтому между ними постоянно возникают конфликтные ситуации, которые неминуемо приводят к войнам и ссорам.

Уже на ранней стадии развития человека появилась необходимость в арбитра, который смог

бы разрешить эти конфликты. Таким арбитром явился Бог. Он был настолько авторитетным, что устраивал обе стороны даже тогда, когда одна из них должна была подчиниться или погибнуть. В этом смысле не случайно, что в общностях, существующих независимо друг от друга и не знающих о существовании друг друга, появились свои Единобоги...

Что касается Иисуса Христа, апостолов и других святых, то это скорее всего конкретные люди, сумевшие сфокусировать на себе уже существовавшие правила и запротоколировать их в приемлемой и доступной форме.

Религия – это первый моральный кодекс человеческого общежития. Библия, Евангелие, Коран, Талмуд – это документы, в которых довольно определённо записаны правила взаимоотношений между людьми.

Религия как система мироздания, несмотря на свой догматический характер, обладает большим запасом свободы. Она дает возможность каждому, независимо от пола, положения, национальности, умственного развития и прочего, построить свою модель мира в соответствии со своими ощущениями. Любая другая идеология слишком категорична для такого построения,

Распятие. Рельеф.

хотя истинность её догматов так же относительна и сомнительна.

Появление религии как особой формы человеческого мышления обусловлено отсутствием логических звеньев, связывающих причину и следствие и объясняющих реальную суть явлений. Это можно проследить у детей в раннем возрасте. Сознание ребёнка так устроено, что ему необходимо объяснить всё, что попадает в поле зрения. Первобытный человек гром, молнию и другие явления стихии мог объяснить, только прибегнув к культу сверхъестественных сил, то есть к религии. Со временем религия, освободившись от пёстрой одежды обрядовой мишуры, превратилась в идеологию.

Религия – это временная модель мироздания. Она хотя и приблизительна, но как-то объясняет мир и явления. Не будь её, человеческое сознание было бы обречено на вечный страх и подавленность.

Об этике и нравственности

Отгремит съезд, залатаются раны от межнациональных конфликтов, и потускнеет острота конфликтов по дискуссиям на политические и экономические темы. И все мы опять окажемся у того же разбитого корыта перед проблемой обитания на перенаселённой и изнасилованной нами земле. Все междоусобицы, частные неурядицы потребительского характера, все достижения в области науки, искусства и производства окажутся пустяком по сравнению с проблемами экологии. Человечество удивительным образом научилось «забалтывать» серьёзнейшие, жизненно необходимые проблемы. Под любым предлогом мы готовы пустословить по важнейшим вещам, искусственно создавая несоизмеримость в сопоставлении проблем.

Мы готовы все средства массовой информации бросить на освещение акта милосердия в деле сокращения нашей армии на триста тысяч человек и совершенно замалчиваем почти достоверный факт того, что этим трёмстам тысячам сол-

Николай Силис.

дат к шестидесяти годам нечем будет дышать. Воздух станет непригодным для нормальной жизни на Земле.

На съезде говорят о чём угодно: о политике, о правах человека, о бытовых проблемах, но толь-

Сплав леса. По пятам за человеком идут пустыни.

ко в рамках нашей страны, не подозревая, что воздух, вода, продукты, ближайший космос давно перестали быть достоянием какого бы то ни было региона.

Все богатства Земли уже не могут быть богатствами одной страны. Правительства не могут быть полновластными хозяевами своей страны. Народы утратили навсегда право на неприкосно-

венность своих национальных особенностей и национальной исключительности. Мы все давно уже жители одного общежития.

Рачительный хозяин живёт впрок и всегда впрок строит свою экономику. Хорошая хозяйка каждый день подметает пол в своём жилище, содержит в порядке околodomовые санитарные службы. Люди сообща роют колодцы, договариваются с соседями о режиме совместного выпаса скотины, заготовке дров, строительстве жилья, школ и церквей. Промышленность вообще не может существовать и развиваться без понятия корпоративности, общности.

Почему же мы, цивилизованные люди, отвлекаемся на пересчитывание денег в чужом кармане и совершенно не видим того, что происходит на всей земле? Неужели узкий прагматизм и гипертрофированное чувство патриотизма застили наши глаза? Неужели мы не способны понять всю тщетность человеческой разобщённости?

Все проблемы, поднятые в последнее время в нашей стране, имеют общечеловеческий характер. Это наша беда: мы только что прозрели.

Все эти проблемы существовали давно, а мы упорно не хотели их замечать. Настало время, когда почти для всех землян стало ясно, что ресурсы Земли находятся на грани истощения. Энергетический процесс всегда следует с некоторым опозданием за невежеством вообще и варварским потреблением ре-

Скульптурная композиция. Поколение 70-х.

сурсов в частности. Стоит ли умиляться своим достижениям в области науки и прогресса? Не лучше ли подумать о тех последующих поколениях, которым по молодости не положено нас проклинать сейчас. А думать нужно активно: на форумах, в печати, по телевидению и в кино трубить апокалипсис.

В этом деле не может быть перебора чёрных красок. Как бы трагически мы себе ни представляли ближайшее экологическое будущее, оно всё равно будет страшнее.

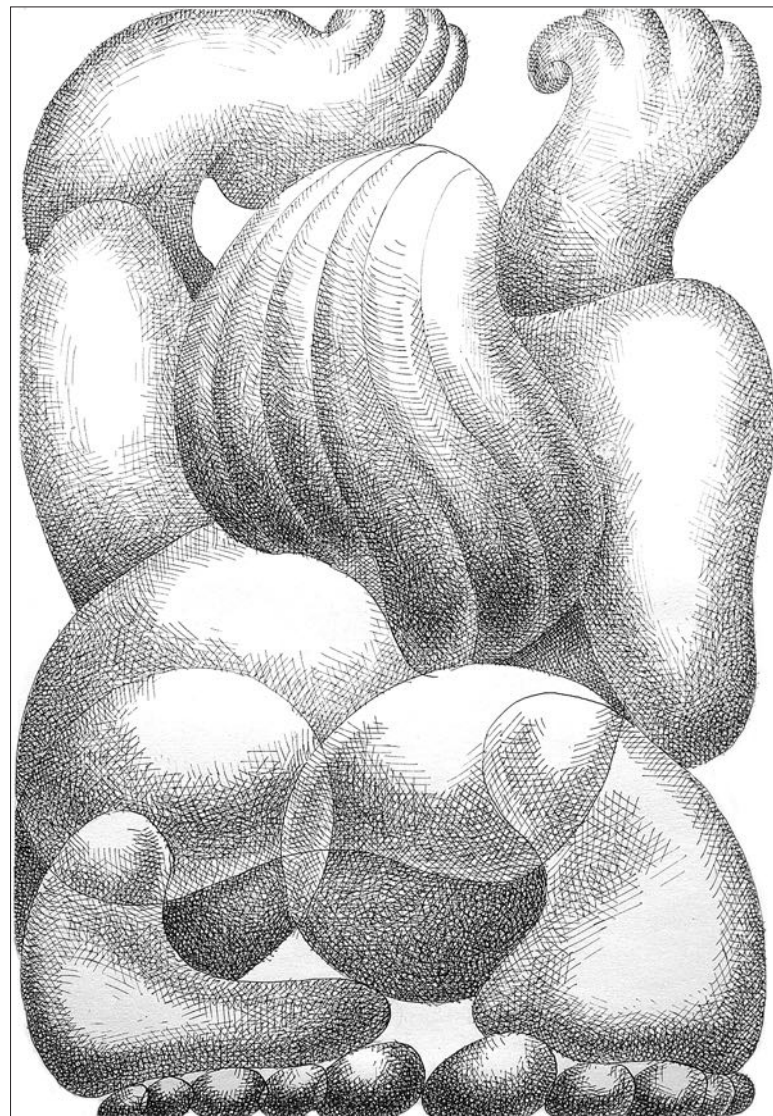
Миллиарды национального накопления неминуемо будут рассеиваться в странах так называемого третьего мира. Регионы, попавшие в беду, будут

висеть на совести других, более благополучных регионов. Метастазы их распада так или иначе повлияют на антропосферу всего мира. Нужно бороться не за советскую власть или за какую-нибудь другую власть, а за поднятие престижа международных организаций, сообществ и форумов. ООН, «Гринпис» и подобные им должны со временем стать высшими координационными органами на Земле. Тогда не будет отдельных регионов, а все частные проблемы станут общечеловеческими.

Человеку мерзкому, думающему о людях только плохо, легче прожить. Плохое в людях найти гораздо легче, чем хорошее. В нас есть и то и другое. Увидеть же доброе начало или хотя бы поддержать зачатки этого начала – дело очень важное, только это добро делает человека человеком.

Антисемит. Что это? Врождённое чувство, генетически запрограммированное в человеке? Плохое воспитание, следствие исторически сложившихся семейных предрассудков или, наоборот, трезвый объективный взгляд на достоинства одной нации по сравнению с другой, то есть с семитской группой населения?

Вооружение антисемита всегда примитивно, стабильно и основано преимущественно на эмоциональной неприязни к евреям по чисто быто-

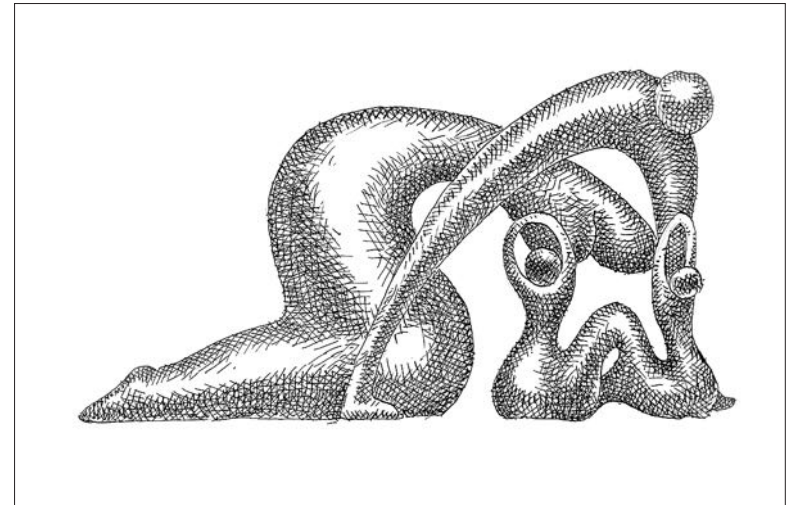
Фигура со спины, бумага, тушь.

вым поводам. Аргументация складывается из тенденциозно подобранной статистики, из гипертрофированной суммы добродетелей, приписываемых самому себе или тем, кто не принадлежит к этой расе.

Антисемитизм – это не просто неприязнь к людям, имеющим несчастье быть евреями. Анти-семитизм – это идеология, подпитываемая чудовищным комплексом неполноценности, состоящим из невежества, самодовольства и многих других общечеловеческих пороков. Антисемитизму, как носителю идеологии, свойственна знаковость, то есть способность группировать вокруг себя целый махровый букет мерзостей. Нельзя быть одновременно антисемитом и порядочным интеллигентным человеком.

Обывательский уровень охаивания еврейских качеств ничем не отличается от уровня рассуждений невежды о высоких материях бытия, когда всё сводится к цене картошки на рынке, а все болезни – к неправильному пищеварению.

Антисемитизм – это только объект для концентрации более фундаментальных отвратительных качеств человека. Ненависть, агрессивность, неживчивость и т.д. могут концентрироваться и на других объектах: на идеологии, на политике, на культурных несоответствиях, на разности интеллектуальных потенциалов.

Сосушие. Бронза.

Что считать обманом? Откровенную ложь, полуправду или умалчивание? Первую можно легко обнаружить и вовремя разоблачить. С полуправдой дело несколько сложнее: с ходу не возьмёшь. Необходимо тщательное просеивание. В умалчивании же скрыто девяносто процентов обмана. Если один знает то, чего не знает другой, и не говорит этому другому о своём знании чего-то, то это обман, который может оказаться преступной ложью. Преднамеренной ложью. Последствия такой лжи или мягче – обмана могут быть самыми трагическими. Вроде старого американского комикса, повествующего о том, как слепого дедушку подвели к ныряльной выш-

ке и предложили нырнуть, не сообщив при этом, что воды в бассейне нет.

Обман сопровождает человека с раннего детства. Рано или поздно вместо тёплой материнской груди ему подсовывают жёсткую, холодную соску. Придумывают и рассказывают сказки, где почти всегда добро оказывается сильнее зла. Пользуясь неограниченным доверием ребёнка, вводят его в мир несуществующих вещей.

Родители не скупятся на обманные приёмы, когда им нужно по тем или иным причинам удалиться от ребёнка или удалить его от себя, скажем, в ясли, в детский сад, в школу или просто к посторонним.

Взрослые знают очень много, значительно больше, чем дети, но они умышленно скрывают свои знания. Под рукой всегда есть удобный предлог: маленький, ещё не поймёт и... происходит обман. Обман, который рано или поздно откроется. Взрослым невдомёк, что обман этот не простится потом, когда ребёнок станет взрослым.

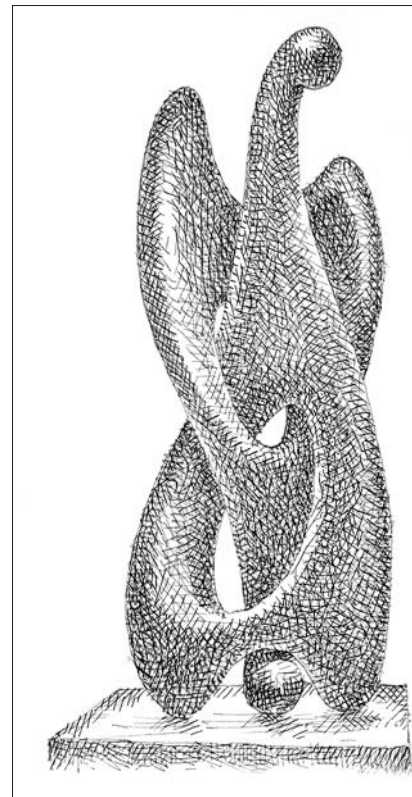
Ведь память, если специально не отбили, навсегда остаётся с человеком, бывшим в прошлом ребёнком. Эта память очень цепкая и долговечная. Память можно загнать в глубокое подсознание, но уничтожить её нельзя.

«Незнание» ребёнка очень выгодно взрослым; им легче управлять, достигая его подчинения. А чем это обернётся впоследствии, взрослые предпочитают не задумываться. Подспудно рассчиты-

вают умереть раньше, чем проявятся последствия обмана. Трагическое заблуждение, вызванное родительским эгоизмом.

Самый тяжёлый обман – сексуальный. Незнание подростков общество пытается удержать в своей первозданности вплоть до предельно возможного возраста. Неудивительно, что перзрелые дети жестоко мстят потом взрослым за этот затянувшийся обман.

Именно здесь скрыты причины всех порочных явлений, которыми страдает общество в каждую эпоху, в каждом поколении. Алкоголизм, наркомания, преступность, терроризм – всё это отголоски преднамеренного обмана, неправильной установки на воспитание. Многие взрослые, дожив до преклонных лет, так и умирают в неведении того, что они жестоко обмануты, что жизнь их сложи-

Антиподы. Рисунок.

лась бы значительно лучше, знай они чуть больше, чем им позволили в детстве.

Интеллигенция – это своеобразный тонкий озоновый слой, защищающий человечество от самоуничтожения и деградации. Как эта плёнка спасает всё живое от убийственного ультрафиолета, так интеллигенция представляет собой заслон от разъедания общества мощными проявлениями безнравственности, эгоизма, агрессивности и других врождённых пороков.

В экстремальных ситуациях у человека возникает особое состояние повышенной активности, которое помогает ему вернуться в нормальное состояние. Я называю это эффектом остервенелости, когда вся энергия, все способности человека мобилизуются и фокусируются в определённом направлении.

Огульная борьба с алкоголем не может не вызвать у значительной части населения, употребляющей по той или иной причине алкогольные напитки, мощные стрессовые симптомы. При жёстком запрете продажи алкогольных напитков неминуемо возникнет «эффект остервенения».

В итоге кривая потребления на единицу времени резко возрастает, а это, в свою очередь, может

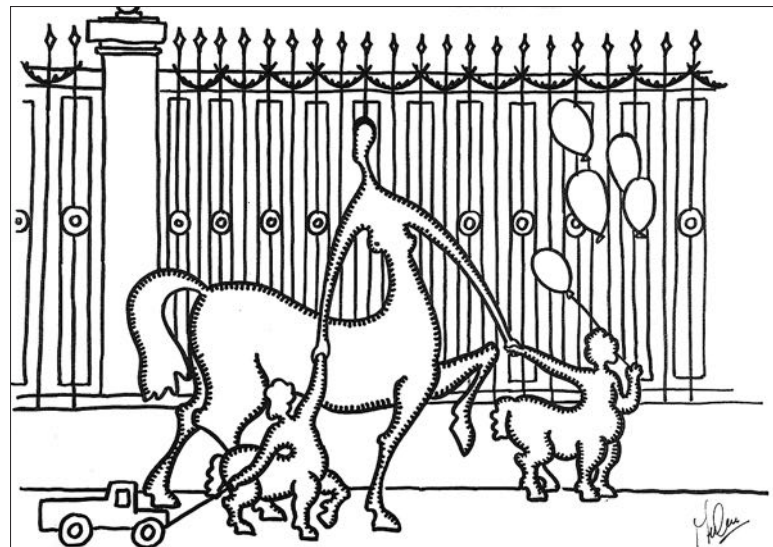

Рисунок из серии «Кентавры».

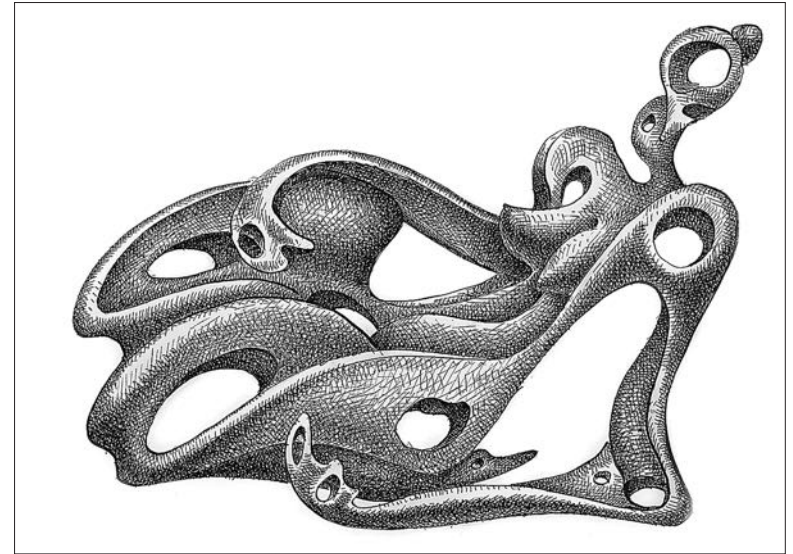
повлечь за собой совершенно непредсказуемые последствия.

Болезнь (любую!) нельзя глушить подручно-радикальными средствами. Необходимо иметь в виду весь организм в целом. Установить причины заболевания, процесс динамики и состояние на данное время. Последнее необходимо для правильного выбора средств в предстоящем курсе лечения.

Когда речь идёт не об отдельном пациенте, а о целой стране, правильность выбора определяет конечный исход лечения. Пациент серьёзный, и принудительное лечение может окончиться трагической неудачей. Так оно и случилось.

Гражданственность я себе представляю как необходимость выбора точки отсчёта, начинающейся с позиции обозначенных человечеством моральных, этических и духовных ценностей. Гражданин обязан или должен выбрать свою «Дульсинею Тобосскую» (или любой другой жу-пел) и посвятить всю свою деятельность служению этой идее.

Все дети, как правило, способные. Реже – талантливые. Крайне редко – гениальные. Для оценки этих качеств и для выяснения их результативности у родителей остаётся только вторая половина их жизни. До этого все мы живём надеждами и ожиданиями. Дети поначалу дают неплохие заявки в любой деятельности, какую бы им ни уготовили родители. Это происходит потому, что они изначально способны ко всему. Особенно к тому, чем занимаются родители. Умиление приводит к ориентации ребёнка на ту область деятельности отца или матери, в которой они чувствуют себя уверенными и в сфере которой воспитывался ребёнок. Происходит необратимое действие: сыну или дочери предопределяется деятельность, свернуть с которой практически невозможно. К моменту, когда окончательно становится очевидным, что таланта у ребёнка к этому роду деятельности нет, а способности очень быстро ис-

Чудная. Бумага, тушь.

сякли в процессе детского становления, родители и дети вдруг прозревают, обнаруживают ошибочность сделанного выбора, и начинаются конфликты. Сначала между старшими и младшими поколениями, потом с самим собою, у каждого в отдельности. Но время необратимо. Необратимо и то, что произошло в течение этого времени. Трагедии эти происходят зачастую. Особенно в семьях структурных, благовоспитанных, интеллигентных.

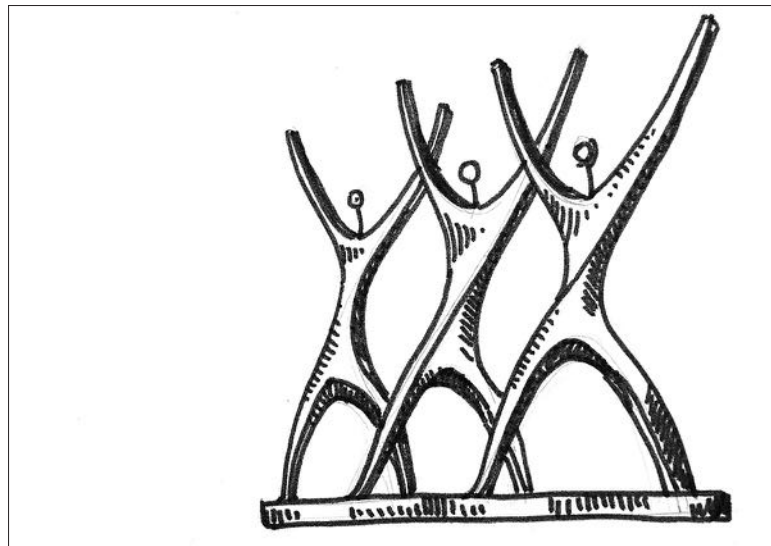
Величайшая человеческая подлость заключается в его изощрённом желании человека научить

своих потомков эффективно убивать несуществующего врага. То есть выработать в них желание и убежденность в необходимости существования армии – людей, которых учат только одному: убивать себе подобных.

Легко ли быть гражданином? И да и нет. Легко потому, что нет ничего проще, чем, сидя перед телевизором, вместе с комментатором возмущаться бездушием других, равнодушием посторонних, несправедливостью поступков руководителей. Трудно потому, что в каждом конкретном случае необходимо принимать решение, большей частью несовместимое с личными выгодами.

Давно ушло то время, когда понятие «гражданин» было понятием региональным. Гражданин региона постепенно превращается в гражданина Земли. Это и понятно. Разрозненные в прошлом общества ныне приобрели статус сообщающихся сосудов. Взрыв бомбы или АЭС в одной точке земного шара неминуемо вызовет резонанс в другой. Распространение СПИДа невозможно надолго удержать в рамках одной страны. Загрязнение атмосферы, гибель танкера с нефтью – всё это проблемы общие, гражданственные.

Легко ли быть гражданином? Трудно. Гражданственность – категория нравственная и, как всё нравственное, требует иногда подавления лич-

Эскиз скульптурной композиции.

ных интересов во имя общественных. А это всегда очень трудно поддается воспитанию. Эгоизм активнее альтруизма и оснащён более действенным вооружением. Именно поэтому после каждой крупной бойни происходит всеобщий упадок нравственности, оказываются возможными такие чудовищные явления, как сталинизм, расизм, антисемитизм, исламизм и так далее. Нужен срок в одно-два поколения, чтобы вернуться к прежнему нравственному уровню.

Перечисление собственных заслуг и благодарностей требует в определённой степени потерь соб-

ственных и общепринятых морально-этических устоев. Именно поэтому человек, не стесняющийся многократно повторять о совершённых им благородных поступках, зачёркивает значимость этих поступков и вызывает у людей некоторое сомнение в искренности содеянного.

Какими бы миролюбивыми целями армия ни оправдывала своё существование, в конечном итоге её основное назначение – убийство.

Человек в погонах – даже в мирное время потенциальный убийца, с которого государство сняло запреты на действия, подсудные для рядовых граждан.

С другой стороны, каждый человек в случае смертельной опасности вооружён психологически оправданным правом убивать другого, посягнувшего на его жизнь. Это изначально, загнанное в подсознание право приобретает статус добровольного служения в армии в мирное время и приводит к готовности убивать кого бы то ни было по любому, оправдывающему этот акт поводу. Особенно в экстремальных ситуациях.

Так о какой же высоконравственной морали в обществе может идти речь, если бок о бок существуют и поощряются (и даже оплачиваются) государствами эти убийственные институты или иначе – наёмные убийцы?

Видение. Рисунок из серии «Дон Кихот».

Нравственность общества формируется незначительным меньшинством наиболее образованной и высокоинтеллектуальной его части.

Нравственность, по сути, беззащитна. Единственным способом обеспечить выживаемость является возможность выработать и утвердить в обществе законы нравственности: не убий, не укради, полюби ближнего своего, как самого себя. Далее следует современный свод законов, где юридически сформулированы те же библейские и новозаветные нормы поведения в общежитии. Проблемы возникают только при использовании этих законов на практике и их

толковании. В обществе, где эти законы не соблюдаются, развал нравственной структуры неизбежен. Нравственность коллапсирует, а обществу потребуется немало времени и усилий для того, чтобы вновь вернуться к необходимому. Мы живём в мире сообщающихся сосудов. Этот мир сложился давно, но до сих пор мы не успели осознать всю значимость данного явления. Хотим мы этого или не хотим, но с этой ситуацией нам так или иначе придётся смириться, а лучше всего – принять к сведению как данность.

Проблемы национальных неурядиц отступят в сторону перед проблемами выживания на Земле в целом. К сожалению, этому процессу будут сопротивляться наши малоразвитые братья по крови. Задача цивилизованной части населения – найти способ для убеждения наших неразумных собратьев в безумности межнациональных конфликтов и в ничтожности их проблем перед неизбежностью гибели всего человечества из-за экологических преступлений и неминуемых катастрофических последствий.

Об искусстве

Каким бы могучим темпераментом ни обладал художник, рано или поздно он иссякнет в процессе создания произведения. Особенно из твёрдых материалов. Сопротивление материала оказывается намного сильнее возможностей совершать работу быстро и на коротком импульсе. Отсюда и жанр – non-finito, свойственный творчеству многих художников (Микеланджело, Матвеев и др.). Способностью же растянуть эмоцию во времени, возвращаться каждый раз к незаконченной работе с одним и тем же творческим потенциалом обладает далеко не каждый художник. Поэтому так хороши бывают некоторые работы, которые по каким-либо причинам оказались прерванными в процессе изготовления.

То, что искусство и деятельность, связанная с искусством, носят сублимационный характер, не является новостью, и многими принимается как законная достоверность.

Неопределённым остаётся вопрос: почему художник избирает ту или иную изобразительную форму для своей сублимации?

Дело в том, что подавленность желаний (сексуальных или каких-либо других) у каждого преобразуется в свое индивидуальное направление в искусстве. У одного это происходит вяло и растянуто во времени, у другого, наоборот, напряжённая подавленность кончается творческим взрывом и сопутствующими житейскими катаклизмами.

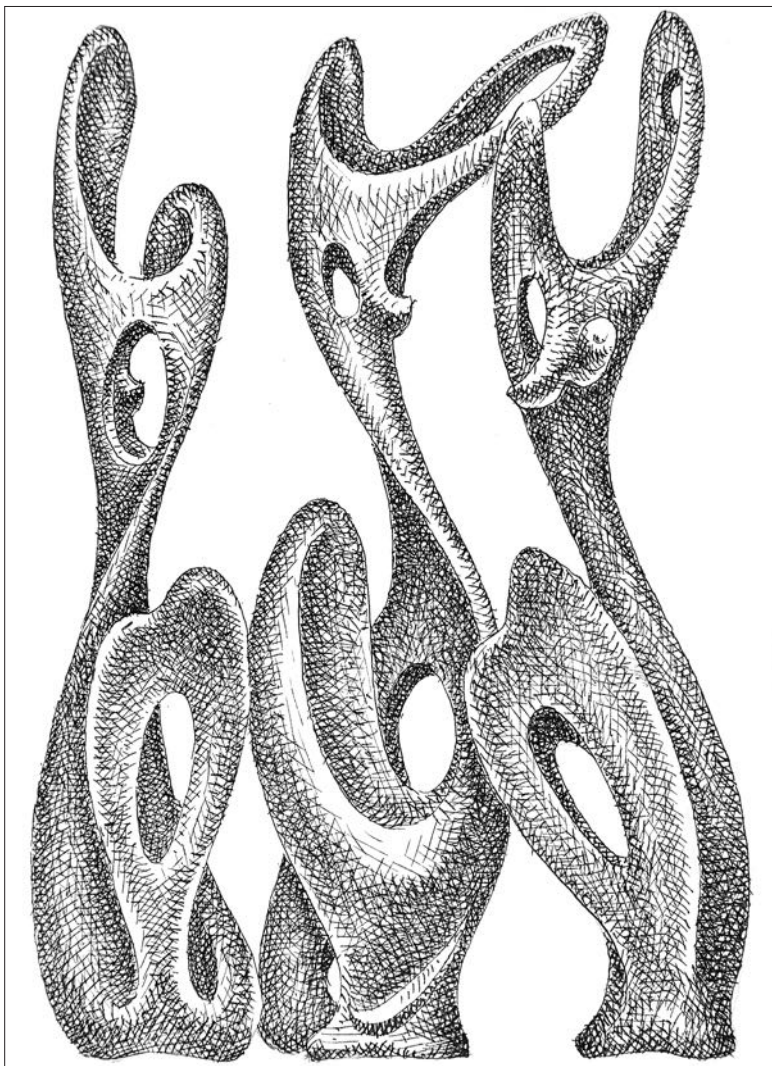
Так вот, если подавленность затягивается во времени, то есть задерживается сублимационный момент, то художник всё больше и больше абстрагируется от действительности, и творчество его приобретает более условный характер. Иногда доходит до полного безумства. О качественной стороне творения в данном случае говорить трудно. Всё зависит от предсублимационного накала, мощности самого художника, его образованности и так далее. Абстракционизм в этом смысле не случаен. Он имеет совершенно определённый механизм действия.

Художник, законтрактивный напрямую с действительностью, всегда обречён на реализм. Серьёзных и глубоких обобщений он выдать не может. Он вроде Антея, черпающего силу от непосредственного соприкосновения с землёй. Абстракционизм всегда шире и перспективнее.

В его распоряжении весь космос, а не только земля, на которой он стоит.

Рисунок из серии «Кентавры».

Эскиз скульптурной композиции.

Композиция.

Существует ряд назойливых вопросов, на которые ответа нет и быть не может. Например, зачем жить? Есть ли Бог? Нужно ли человечеству искусство или другая какая-то деятельность, не приносящая сиюминутную пользу для общества? Эти вопросы лучше не задавать. Ни себе, ни другим.

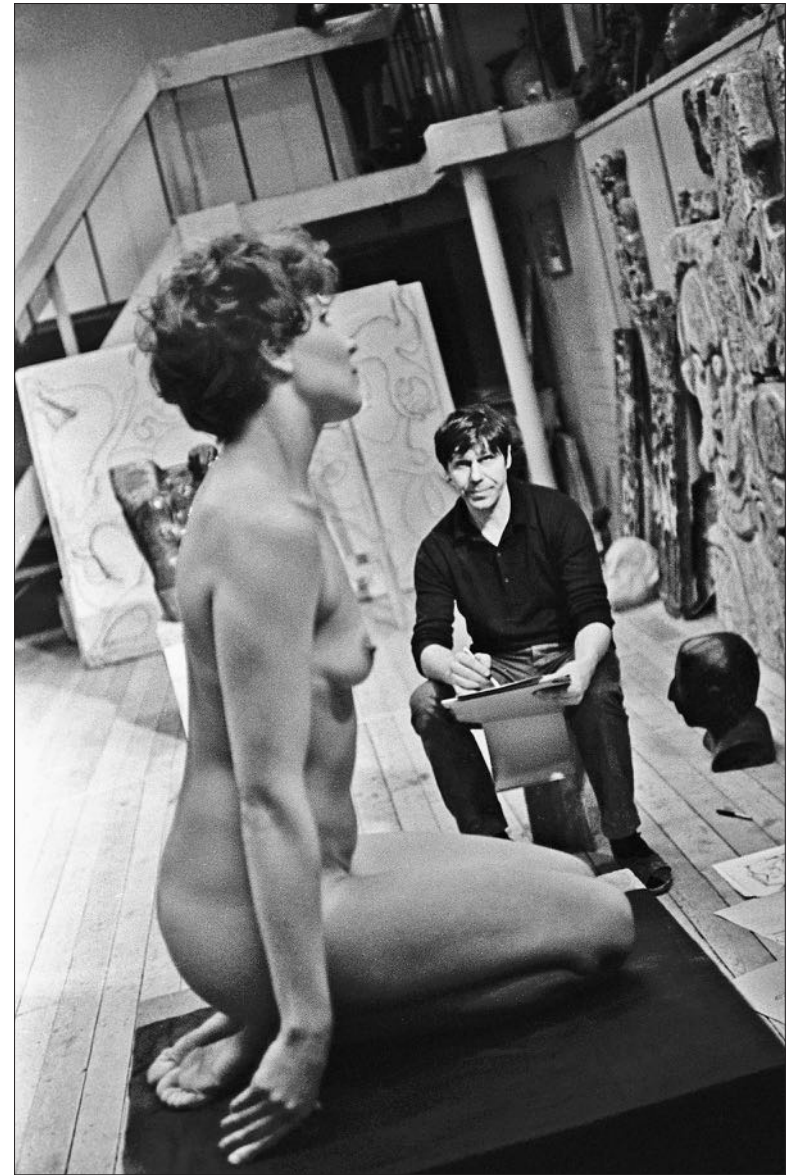
Вся деятельность сознательного человечества делится в основном на две противоположные части: на разрушение и на созидание. По сути дела – это интерпретация извечной проблемы борьбы зла и добра.

Увы! Не всякий смертный может позволить себе всецело посвятить свою жизнь созиданию. Мир, устроенный задолго до его появления на свет, неминуемо толкает его на путь разрушений. Хочет он этого или не хочет. От службы в армии он отказаться не может. А это – разрушение. Не подчиняться властям, чья воля направлена на разрушение, он также не может. Даже своим врождённым инстинктам, ориентированным на разрушение, он тоже не всегда может противостоять.

Только художник с его гражданственностью обязан, именно обязан, всю свою деятельность направлять на созидание. Только художнику подвластна вечность, и только он оперирует вечными категориями.

В этом и заключается его гражданская ответственность перед обществом.

Из декоративистов можно ещё как-то выбраться в «большую» скульптуру. Но попасть в «большую» скульптуру без декоративной школы невозможно. Декоративность имманентно должна присутствовать в любой «большой» скульптуре.

За работой.

Скульптура не должна быть перегружена содержанием (сюжетом).

Искусство в основе своей элитарно. Сделать его достоянием широкого круга людей, народа, значит, снизить эстетические требования к художественным достоинствам произведений. Это означает идти на поводу у «толпы» и потворствовать низменным вкусам. У толпы есть своя пища: кич, шлягер, ширпотреб и т.д. Искусство в своём элитарном выражении должно быть свободным от массового потребителя. Оно должно существовать как эталон качества, как тенденция устремлений. Только тогда уровень эстетического восприятия «толпы» повысится.

Художник о художнике или не пишет ничего, или пишет только плохое. В этом нет ничего удивительного. Творчество – это узаконенная форма самовыражения. Каждый человек глубоко индивидуален, а художник тем более. Признавая или отмечая заслуги другого, он тем самым отрицает себя... Поэтому в море мемуарной литературы так редко попадаются хвалебные отзывы одного художника о другом.

В мастерской.

Монументальное искусство актуально только в эпоху больших идеологических потрясений общества. В принципе восприятие людей не приспособлено к восприятию гигантских сооружений. Тем более монументального изобразительного жанра. Человек видит, воспринимает и осваивает эмоционально только то, что умещается в формулу «первого взгляда» или находится в пределах обозримого. Соизмеримое же с человеческой психикой камерное искусство наиболее перспективно и останется актуальным на ближайшую сотню лет.

Истинное художественное произведение определяется не словами, его составляющими, а смыслом, который прочитывается между строками и страницами.

Содержание

Десять бесед с Платоном	5
Заметки о религии, этике, нравственности и об искусстве	153

Николай Андреевич Силис
Десять бесед с Платоном
Заметки о религии, этике,
нравственности и об искусстве

Рисунки: Н. Силис

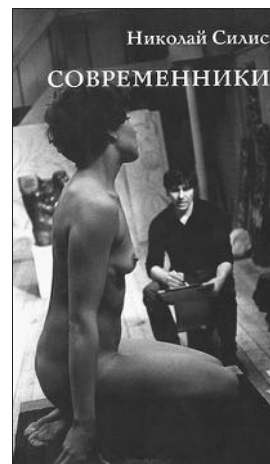
Составитель и редактор: С. Петросова
Макет: Т. Малюсова
Компьютерная верстка: А. Романов
Корректоры: Ж. Борисова, Е. Миклашевская
Фото: В. Усков

Подписано в печать 00.00.2017 г. Формат 84x108 1/32
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ л. 6,5. Тираж 300 экз. Заказ № 2181К

Отпечатано в ППП «Типография Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Книги

Николая Андреевича Силиса,
опубликованные в 2014- 2017 гг.

Современники
2014 г.

**О ловле рыбы
и прочей чепухе**
2015 г.

Воспоминания
2016 г.

Моя деревня
2016 г.

Николай Силис

**Города, дороги,
встречи**

**Города, дороги,
встречи**
2016 г.

Николай Силис

**Десять бесед
с Платоном**

**Заметки о религии, этике,
нравственности и об искусстве**

**Десять бесед
с Платоном.**
**Заметки о религии,
этике, нравственности
и об искусстве**
2017 г.